

Евгений Лукин

**Раздолбай. (Работа
по специальности)**

«Автор»

1995

Лукин Е. Ю.

Раздолбаи. (Работа по специальности) / Е. Ю. Лукин — «Автор»,
1995

Гоп-стоп! К вам подошли из-за угла...Ну, положим, не подошли, а подлетели. Не гопники, а инопланетяне. Но факт остается фактом: мгновение – и вы похищены нахальным НЛО. И теперь вы – один из несчастных обитателей немыслимой планеты-колонии. Один из землян, похищенных незнамо для каких, однако явно гнусных целей. Жертва эксперимента. Подопытный кролик в клешнях (или лапах, или щупальцах) враждебного разума. Нравится? Ах, не нравится...Тогда извольте сражаться и выбираться. Как? Ваши проблемы!

© Лукин Е. Ю., 1995

© Автор, 1995

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Евгений Лукин

Раздолбаи

(Работа по специальности)

*Mistletoe killing an oak —
Rats gnawing cables in two —
Moths making holes in a cloak —
How they must love what they do!*

Rudyard Kipling

*Омела, убивающая дуб,
Крысы, перегрызающие канаты надвое,
Моль, дырявящая плащ, —
Как они должны любить свое дело!*

Редьярд Киплинг

ЧАСТЬ I

Глава 1

Не тот это город, и полночь не та.

Борис Пастернак

Отчаянно, в последний раз цвели над гипсовыми руинами фонтана искалеченные бульдозером акации. Каменные громады многоэтажек обложили разваленный скверик с трёх сторон. С четвертой шумела автострада.

– И ломать-то как следует не умеем!.. – процедили в прошелестевшей мимо чёрной «Волге», и уже к вечеру следующего дня между шоссе и останками скверика встала высокая стена из бетонных плит.

На город двинулись сумерки, но, встреченные залпом белых ламп, шарахнулись с обочины и, перемахнув стену, залегли с той стороны. Многоэтажки стояли клетчатые от разноцветных окон, однако слабенький свет торшеров и люстр испарялся, не пролетев и половины расстояния до увечного скверика. И что уж там происходило в развалинах до ноля часов – бог его знает.

***

– Стой! Стой, говорю!..

По гулким ночным асфальтам зашепелявили кроссовки и загремели каблуки. Длинно полоснул милицейский свисток.

Из-за оббитого угла, украшенного непристойной надписью, выскочил лопоухий стриженный наголо парень с вылупленными глазами и телефонной трубкой в руке. Не потратив ни секунды на размышления, что говорило о хорошем знании района и определённом жизненном опыте, он дунул напрямик к разломанной ограде, за которой начинался благословенный сквозной лабиринт рытвин, насыпей и полувывернутых из грунта акаций.

Следом за лопоухим на светлую пролысину под фонарём с топотом вылетел, как и следовало ожидать, коренастый сержант милиции – и тоже не с пустыми руками. В правой у него был прочно зажат резиновый инструмент, наверняка знакомый каждому – не осязательно, так визуально.

О, это были достойные противники! Короткий отрезок от угла до ограды они проскочили приблизительно с одинаковой резвостью, и поэтому оставалось только гадать, что же именно сегодня восторжествует: лопоухий порок или же коренастая ощеренная добродетель. Всё должно было решиться там, на территории бывшего скверика.

Итак, перемахнув две траншеи подряд, они ворвались в мерцающую белыми гроздьями темноту, и погоня пошла по звуку. У развалин фонтана, где малолетний гипсовый дебил всё ещё душил в объятиях гипсового дельфинёнка с отбитым хвостом, сержанту изменило чутьё – сунулся не по той дорожке. Правда, нарушитель от этого выиграл не много: пронырнув сирень и получив по разгорячённому лбу тяжёлой влажной кистью, он остановился в растерянности перед высокой бетонной стеной, которой здесь раньше не было.

Счёт пошёл на секунды. Сзади в темноте хрустели ветки и слышались приглушённые ругательства – милиционер пёр напролом и, кажется, в верном направлении. Вправо пути не было – там чернели и извивались сваленные как попало останки искореженной ограды. Слева, наполовину спрятанное в тень, металлически поблёскивало какое-то округлое сооружение, возникшее, надо полагать, одновременно со стеной.

Потом кусты затрещали совсем рядом, и хулиган, решившись, метнулся влево. Там его и заклинило – выяснилось, что подлая строительная конструкция установлена почти впритирку к бетону. Обегать её было поздно. Парень отпрыгнул и вдруг углядел, что в округлом металлическом боку зияет прямоугольная дыра. Не раздумывая, он кинулся к ней и по наклонной стальной плите вбежал на четвереньках в резервуар. Осторожно, чтобы не удариться впотьмах головой, поднялся на ноги, и тут – о ужас! страх, петля и яма! – включился свет.

Никакой это был не резервуар! Злоумышленник обнаружил, что стоит, стискивая вырванную с корнем трубку, посреди короткого коридорчика с глубокими узкими нишами по сторонам.

Остолбенеть надолго ему не позволили обстоятельства – из внешней тьмы надвинулся скрежет гравия под каблуками, и, не дожидаясь, когда в коридорчик выйдет ещё и сторож этой странной вагонки, хулиган влип в одну из ниш. Сторож не выходил, и в ошалелой стриженной голове сложился план: мент ломанётся в конец коридора, а он тем временем – в дверь, и – прощай, Вася!..

Скрежет гравия и грозное сопение приблизились к самому входу и вдруг оборвались. Нарушитель обмер. Тихо-тихо, словно опасаясь невзначай скрипнуть глазом, покосился он на левую стенку ниши.

– Ну ни хрена себе... – выговорил наконец милиционер и задышал снова. Он стоял перед непонятным сооружением, и нежный розоватый свет из открытого люка лился ему на ботинки.

– Эй, ты внутри, что ли?..

Ответа не последовало. Сержант вернул дубинку в петлю и достал фонарик. Отступив подальше, осветил сооружение целиком. Чертыхнулся.

– Выходи, хуже будет!.. – испуганно приказал он, но ответа опять не получил.

Бормоча что-то о безмозглых сопляках (словом «отморозок» язык в ту пору ещё не обогатился), присел и посветил под днище. Под днищем обнаружились посадочные опоры. Вид их настолько взволновал милиционера, что он вскочил с корточек и, отпрыгнув, закричал в озарённый розоватым свечением пустой коридор:

– Ты куда залез? Ты соображаешь, куда ты залез? Это же летающая тарелка, дурак!..

Что-то прошуршало в кустах. Сержант обернулся, дырявя ночь фонарем. Мысль о возвращающихся к своему кораблю инопланетянах поразила воображение. Всматриваясь, долго

водил лучом по вывернутым корням и пригоркам вынутого грунта. Не рискуя ещё раз приблизиться к аппарату вплотную, снова присел и осветил опоры. Опоры были ничего себе, мощные...

– Отца с матерью пожалей! Улетишь ведь к едрене фене!..

Хулиган молчал. Надо было что-то предпринимать, а предпринимать ох как не хотелось... Сержант тоскливо огляделся. С трёх сторон громоздились тёмные многоэтажки, с четвёртой чернела стена, над которой рассеивался в ночи холодноватый свет придорожных фонарей. Проще всего, конечно, было бы серией коротких свистков вызвать подмогу. Но свистеть в непосредственной близости от инопланетного космического корабля милиционер не решался, тем более что в развалинах фонтана опять кто-то шуршал. Хорошо, если кошки...

– Слышь, парень, – понизив голос, позвал сержант. – Ладно, хрен с ней, с трубкой... Отпущу, только вылезе... Ну что тебе, в самом деле, жить надоело? Тебя ж потом ни одна собака не сыщет! Ну давай отойду, если не веришь...

То и дело оглядываясь, он и вправду отступил шагов на пятнадцать к искорёженной поваленной ограде, где и остановился в ожидании. Ничего путного из этого, разумеется, не вышло, и спустя некоторое время милиционер, сильно помрачнев, вернулся к люку.

– Ну, паразит! Сейчас ведь влезу – за уши вытащу!.. В последний раз тебе говорю: выходи!

С надеждой прислушался. Бесполезно. Спрятал фонарик, ещё раз огляделся с тоской. Потом скроил свирепую морду и, заругавшись шёпотом, полез...

Этот неразумный, чтобы не сказать, героический поступок многим сейчас покажется странным, однако следует помнить, что дело происходило на излёте перестройки – и не все ещё успели поумнеть.

Конечно, мысль о том, что мент сразу ломанётся в конец коридора, была по меньшей мере наивной. Первое же углубление в стене заставило сержанта приостановиться, и далее, замедлив шаг, он двинулся зигзагом от ниши к нише. В четвёртой по счёту стоял бледный лопухий мерзавец и дрожащей рукой протягивал трубку.

Не теряя ни секунды, милиционер выхватил хулигана из укрытия и, заломив преступную руку, толкнул к выходу. Тот заверещал, попытался упереться и мигом получил коленом под зад.

– Пар-разиты, сопляки!.. – шипел взмокший от переживаний милиционер. – Рискуй тут из-за них, понимаешь...

До чёрной прямоугольной дыры оставалось не более полутора метров, когда снаружи неспешно поднялась металлическая плита и наглухо запечатала вход. Сержант отшатнулся.

– Э, ребята! – Бросив задержанного, он кинулся к плите и ударил в неё кулаками. – Вы что? Мы же не отсюда!.. Вы что?!

Ему показалось, что пол под ногами дрогнул. В панике милиционер уперся в металл плечом, потом саданул бедром с разгона.

– Добился, паразит?! – крикнул он задержанному.

Но тот, кажется, ещё не понял, что произошло. Он даже не видел, как закрылся люк, потому что в те мгновения у него хрустел плечевой сустав, а перед глазами взрывались ослепительные зелёные кляксы. Теперь он стоял и, изумлённо подвывая, ощупывал без малого вывихнутое плечо.

– Ах, чёрт!.. – Чуть не плача, сержант привалился к плите лопатками. – Откройте!.. – Ударил каблуком. Потом ещё раз.

Тем временем подвывания задержанного стихли.

– Ну я торчу... – неожиданно вымолвил лопухий паразит, хлопая пушистыми девичьими ресницами. – Это где это мы?..

В следующий миг лицо его выразило ужас: устремив на него безумные глаза, милиционер шарил по поясу между дубинкой и пистолетом, как бы выбирая, за которую рукоятку взяться.

– Да я же тебе сейчас... – бормотал милиционер. – Я тебя...

Что-то негромко чавкнуло у него за спиной. Отскочил, обернулся... И произошло чудо: на его глазах прямоугольная металлическая плита медленно отвалилась и снова стала трапом.

– Ну слава богу!..

Во мгновение ока сержант вторично скрутил взывшего хулигана, и оба чуть ли не кувырком вылетели наружу – в апрельскую, слегка разбавленную электрическим светом ночь.

Вылетели – и остолбенели. Прямо перед ними торчала мрачная пятиэтажка хрущёвского типа с погашенными окнами и чёрными провалами распахнутых настежь подъездов. Надо полагать, пока сержант колотился изнутри в плиту люка и хватался за кобуру, подлая тарелка успела перепорхнуть с места на место.

От растерянности милиционер ослабил хватку, и задержанный, видимо, вообразив, что судьба посылает ему шанс, резко прынул в сторону и припустился во все лопатки к ближайшему углу, за которым, как он полагал, его ждала свобода.

В свою очередь думая, что допустил промах, сержант ринулся за ним, но беглец, вылетев на угол, внезапно издал лёгкий вскрик и шарахнулся обратно, словно наткнулся там ещё на одного милиционера.

Лишь тогда, ударенный под дых недобрым предчувствием, сержант огляделся и ощутил, как голова его непроизвольно вжимается в плечи.

Неосвещённое здание стояло в угрюмом одиночестве посреди ровной, как космодром, округлой площади радиусом этак метров в пятьсот. С трёх сторон пустое пространство ограничивали мерцающие узловатые колонны, высоту и диаметр которых было даже как-то страшновато оценивать. Что делалось с четвёртой стороны, сержант не видел – обзор заслоняла пятиэтажка, но, судя по вытаращенным глазам оробевшего хулигана, картина там была аналогичная.

Сержанту захотелось зажмуриться и мелко потрясти головой, но он заставил себя ещё и взглянуть вверх. В первое мгновение ему почудилось, будто там, в вышине, прямо на верхушки колонн положено огромное зеркало, отразившее и сами опоры, и служившую им основанием площадь. Однако уже в следующую секунду в сознание стало помаленьку просачиваться, что отражением это быть никак не может: во-первых, там, вверху, отсутствовала летающая тарелка, во-вторых, не наблюдалось и пятиэтажки. Иными словами, высота помещения достигала...

– Вы что, сдурели?! – обеспамятев, прохрипел сержант. Он обернулся к летающей тарелке и застал её как бы в момент завершения зевка – причмокнув, закрылся люк.

Глава 2

*В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.
Сергей Есенин*

– Ну что там? – Опустившись на одно колено, Василий заглянул под днище и включил фонарик. Луч выхватил из полумрака узорчатые грязные подошвы Ромкиных кроссовок. (Размер – сорок третий-сорок четвёртый; ношенные; стоптаны равномерно; на правой, ближе к носку, – пятно мазута размером с пятикопеечную монету.)

– Не-а... – послышалось наконец из-под бронированного брюха. – Ни щёлки...

Не переворачиваясь на живот, Ромка с помощью локтей и пяток выполз на относительно простор и сел, издав при этом звук, похожий на всхлип велосипедного насоса. Наверняка опять задел макушкой броню.

– А я тебе что говорил! – сердито сказал Василий. – Какой же дурак будет люк снизу делать?

– Ну и что! – морщась и ощупывая маковку, сказал Ромка. – У автобуса же багажник – снизу...

– Багажник... – недовольно повторил Василий и поднялся с колена. Достал из кармана связку изуродованных ключей и ещё раз попробовал подковырнуть плиту бортового люка.

– Не тот, – присмотревшись, сказал Ромка.

– Чего не тот?

– Люк, говорю, не тот. Мы из соседнего выходили...

Василий ругнулся вполголоса и с неохотой глянул через плечо. Четырёхугольное жерло крайнего подъезда целилось в него из полумрака прямой наводкой. А когда выскакивали из тарелки, оно вроде бы целилось слегка вкось... Василий нахмурился и, склонив упрямую лобастую голову, снова уставился в броневую плиту. Может, и вправду не тот? По уму бы, конечно, надо было лючок пометить... Но кто ж, с другой стороны, знал, что у этой хреновины аж целых шесть люков!

– А в общем-то без разницы, – уныло заключил Ромка. – Тот, не тот... Всё равно ведь ни один не открывается.

Вместо ответа Василий засопел, сдвинул милицейскую фуражку на затылок и попробовал ковырнуть в другом месте. Бледное и как бы дышащее свечение далёких колонн еле касалось на излёте скруглённого металла, а щель была не толще карандашной черты.

– Вот ещё, чёрт, надолба! – в сердцах обругал Василий пятиэтажку, пыльной глыбой тонущую в общем сумраке. – Торчит – свет только застит!..

Странное дело: типовой многоквартирный дом – единственное здесь родное и знакомое сооружение – пугал обоих больше всего. Вот уже битых полтора часа они крутились около летающей тарелки, всё ещё надеясь как-нибудь попасть внутрь, и ни разу ни у Ромки, ни у Василия не возникло желания хотя бы приблизиться к неосвещённой жилой коробке. Оба не сговариваясь делали вид, будто пятиэтажка успела намозолить им глаза до такой степени, что на неё и смотреть не хочется.

Однако даже ограничиваясь невольными взглядами искоса, можно было заметить, что с пятиэтажкой этой явно не всё в порядке. В окнах, например, ни единого отблеска, и такое ощущение, что стёкол вообще не вставляли. И двери подъездов вовсе не распахнуты настежь, как это сперва показалось, а просто отсутствуют.

Ромка зябко повёл плечами и поспешно перевёл взгляд на шевелящуюся в полумраке широкую спину Василия. Тот всё ещё трудился над люком.

– А шомполом? – без особой надежды спросил Ромка.

– Пробовал уже, – отозвался сквозь зубы Василий, не оборачиваясь. – По диаметру не пролазит, здоровый больно...

Он нажал с излишней нервозностью и сломал ключ. Металлический язычок звякнул о броню и, отскочив, бесшумно упал во мрак. Василий пошарил лучом фонарика по искусственному покрытию из неизвестного материала, напоминающего с виду остекленевшую серую пемзу, но обломок, видимо, улетел под бронированное брюхо тарелки.

– Нет, ну ведь если бы я не кричал! – яростным шёпотом обратился вдруг Василий к плите люка. – Ведь кричал же! Про летающую тарелку! Кричал? – Он обернулся к Ромке.

Тот вроде сидел в прежней позе: сторбившись и сцепив руки на коленях.

– Ну, кричал... – нехотя согласился он.

– Так какого же ты?..

Ромка досадливо боднул стриженной головой колени и не ответил.

Василий крикнул, сдвинул козырёк на глаза и, болезненно скривившись, в который уже раз оглядел окрестности. Похоже, кроме гигантских колонн других источников света здесь не водилось.

– Нет, – решил он наконец. – Не делом мы занимаемся. Ещё не дай бог повредим чего-нибудь...

– Что ж, сидеть и ждать?

– Сидеть и ждать. – Василий пригнулся и полез в скопившуюся под днищем темноту. Нашупав рубчатый лапоть посадочной опоры, сел и привалился к металлической лапе спиной. – Если прихватили по ошибке – так вернут, а если для чего другого...

Он замолчал, явно прикидывая, на кой пёс они могли понадобиться инопланетянам, и, судя по раздававшемуся из темноты вздоху, ни до чего хорошего не додумался.

– М-да... – сказал он наконец. – Ну ничего, Ромк! Вернут. Обязаны...

– Обязаны... – язвительно проговорил Ромка. – А может, у них здесь такой же бардак, как у нас!

– Ничего себе бардак! – возразил Василий. – Вон какой хренотени понастроили, а ты говоришь – бардак! Тут не бардак, тут порядок. Цивилизация...

Разговор прервался, и в огромном зале стало как будто ещё темнее.

– Вообще-то, конечно, всякое бывает, – не выдержав молчания, снова заговорил Василий. – В прошлом году на металлургическом штабелировщик уснул на площадке, куда ковши отсаживают... В нетрезвом состоянии, конечно... Ну и поставили на него не глядя двадцатипятитонный ковш. Так розыск объявляли – пропал человек... А ковш там ещё целый месяц стоял... – Произнеся это, Василий возвёл глаза к угольно-чёрному днищу, в котором паутинчато отражались далёкие заросли слабо мерцающих колонн. Летающая махина, надо полагать, тоже весила не меньше двадцати пяти тонн, да и вид имела такой, словно собирается здесь простоять как минимум месяц.

История о раздавленном штабелировщике произвела сильное впечатление. Ромка упёрся ладонями в покрытие и рывком подобрал под себя голенастые ноги. Встал. Вышел, пригнувшись, на открытое пространство. Телефонная трубка торчала у него из кармана, и крысиный хвост провода волочился по стеклистому покрытию.

– Так? Да? – сдавленно спросил Ромка у запертого люка и вдруг, выхватив трубку, ударил что было силы наушником в броню. Брызнула пластмасса.

– Ты что, сдурел? – рявкнул Василий.

– Откройте! Козлы! – захлёбывался Ромка, нанося удар за ударом. – На запчасти, блин, раскурочу!..

Метнул в бесчувственную плиту остаток трубки и лишь после этого малость опомнился.

– Вот только одно и можешь... – злобно заворчал на него из-под тарелки Василий. – Ломать да ломать... Ты за всю жизнь хоть одну вещь своими руками сделал?

Ромка стоял понурившись. (Рост – выше ста восьмидесяти пяти; телосложение – сутулое, худощавое; уши – большие, оттопыренные... Цвет глаз и наличие-отсутствие веснушек – не разобрать, темно...)

– Может, ещё сверху посмотреть? – шмыгнув носом, расстроено проговорил он. – Там вроде наверху какая-то фигня торчала... Подёргать, покрутить...

Он вытер ладони о джинсы, приподнялся на цыпочки и, взявшись за покатый край летающей тарелки, попробовал за что-нибудь уцепиться. Уцепиться было не за что.

– Подсадить, что ли? – хмуро спросил Василий и, кряхтя, выбрался из-под днища.

Он присел и принял в сложенные вместе ладони Ромкину ногу. Поднял до уровня груди, подставил погон, потом упёрся широкой ладонью в тощую Ромкину задницу и затолкнул его одним движением на крышу.

– Ну что? – спросил он, отступая на шаг.

Ромка пыхтел и не отвечал – он полз на животе к центру покато и, наверное, скользкого купола. Вскоре на фоне гигантских мерцающих колонн обозначился его согнутый в три погибели силуэт. Видно было, как он, за что-то там ухватясь, покрутил, подёргал... Василий хотел отойти подальше для лучшего обзора, но тут послышался лёгкий треск, силуэт неловко взмахнул длинными руками, в одной из которых мелькнуло что-то непонятное, и Ромка, съехав на ту сторону, с воплем шмякнулся на пол.

Когда Василий, обежав тарелку, подоспел к нему, Ромка уже сидел и потирал, морщась, ушибленное бедро левой рукой. В правой у него было (Василий включил фонарик) что-то вроде квадратного металлического зеркала на полуметровом стержне.

– Вот, – виновато сказал он. – Отломилось...

– Да что ж ты за человек такой! – процедил Василий. – Руки у тебя или грабли? За что ни возьмёшься – всё ломается!.. Может, она теперь летать не будет без этой хреновины?

– А там ещё одна такая есть, – сказал Ромка.

Василий открыл было рот – выложить всё, что он думает о своем косоруком спутнике, но тут по тёмному залу беззвучно прозмеился огромный огненный знак, причём один из его языков вильнул им прямо под ноги. Василий от неожиданности подскочил, а Ромку подбросило с пола.

– Берегись! – рявкнул вдруг Василий. – Уйди, на хрен!

Он схватил за шиворот только что успевшего встать на четвереньки Ромку и отволол шагов на пять прочь.

Летающая тарелка оживала. По выпуклой броне уже вовсю бежали, потрескивая, фиолетовые электрические разряды. Округлая чёрная глыба неспешно всплыла над полом, потом остановилась, и мрак под днищем зашевелился – бронированная черепаха подбирала конечности и смыкала клюзы. Затем, приглушённо взыв, крутнулась – мощно, как турбина, и, обдав лица волной озона, ушла ввысь стремительным неуловимым броском. А вот куда делась потом – понять трудно. Такое впечатление, что испарилась на полдороге...

А по полу прозмеился ещё один иероглиф – на этот раз изумрудный. Правда, теперь уже никто не подпрыгнул: хмуро переглянулись – и только.

– Может, отремонтируется – прилетит? – жалобно предположил Ромка.

Василий злобно молчал, поигрывая желваками.

– Отремонтируется... – проговорил он сквозь зубы. – Кто бы тебя, придурка, отремонтировал!.. Ну и куда теперь?

Оба одновременно повернулись к зияющей чёрными окнами пятиэтажке, причём Василий наступил на что-то и чертыхнулся.

– Да ну её на фиг! – торопливо проговорил Ромка. – Чего там делать? И так видно, что нет никого...

Василий, поигрывая желваками, изучал здание.

– Трубку подбери, – негромко приказал он.

– А?

– Трубку свою подбери, – не повышая голоса, повторил Василий и указал носком ботинка. – Чего валяется?..

– А-а... – Не сводя широко раскрытых глаз с пятиэтажки, Ромка послушно поднял с пола размочаленную телефонную трубку, и тут в одном из окон второго этажа включился свет.

Ромка охнул и выпрямился. Рубиновое сияние, пролившееся из прямоугольного проёма, окрасило в кремовые тона серое пористое покрытие под ногами и положило лёгкий розовый мазок на ствол табельного оружия, возникшего вдруг в правой руке сержанта милиции.

– Так... – невыразительным голосом, от которого у Ромки кожа поползла на затылке, проговорил Василий. – Кого-то мы разбудили...

Глава 3

*И дале мы пошли – и страх обнял меня.
Александр Пушкин*

Окно погасло, провалилось чёрной ямой, зато зажглось соседнее, правда, уже не рубиновым, а мертвенно-голубоватым светом. Василий и Ромка увидели в прямоугольном проёме всё то же, что и прежде: голые стены и потолок без каких-либо признаков люстры или плафона. Такое ощущение, что кто-то, переходя из комнаты в комнату, дотянулся сразу до обоих выключателей и одновременно нажал их, убрав свет в одном помещении и включив в другом. Выключатели, надо понимать, работали бесшумно – в такой тишине и при отсутствии стёкол щелчок просто не мог быть не услышан.

– Да что за чёрт! – всматриваясь, тихо сказал Василий. – Это ж разные квартиры! Он что, сквозь стены ходит?

От такого предположения обоих слегка зазнобило, но оставалась ещё надежда, что строение только снаружи представляет собой точную копию хрущёвской пятиэтажки. Внутри оно могло быть устроено как угодно.

Однако вскоре свет перепрыгнул в следующее окно, и версия об оригинальной планировке отпала – окно это располагалось этажом выше. Кто-то шёл сквозь дом, и похоже, что для него не существовало не только стен, но и перекрытий: пронизав третий этаж, снова перескочил на второй, двинулся влево, вернулся... Окна вспыхивали поочерёдно, каждый раз бросая на ствол пистолета новый отсвет: голубоватый, рубиновый, но чаще всего прозрачно-жёлтый, как от обыкновенной лампочки накаливания.

«Да нет там никого! – внезапно озарило Ромку. – Сидит себе где-нибудь перед распределительным щитом и балуется с выключателями, а мы тут с ума сходим!...» Но обрадоваться своей остроумной, в общем-то, догадке он так и не успел: из прозрачно-жёлтого окна пришёл звук – кто-то обо что-то споткнулся и вроде бы даже сказал: «Ух!...» Далее, судя по всему, замер и, выждав с минуту, двинулся обратно, откуда прибыл...

– Чего-то ищет... – обмирая, сообразил Ромка, и в этот миг свет погас вообще. Дом снова стоял пустой и тёмный.

– Орать-то зачем? – злым придушенным шёпотом осведомился Василий.

– А я орал? – огрызнулся Ромка, тоже шёпотом.

Подождали, не вспыхнет ли где ещё окошко. Не вспыхнуло. Пятиэтажка тонула в вечных сумерках огромного зала серой издырявленной чёрными проёмами глыбой. Василий хотел вернуть пистолет в кобуру, но раздумал.

– А ну-ка давай ещё с той стороны посмотрим, – сказал он. – Может, он как раз там сейчас и шарит... Да спрячь ты, на хрен, свою трубку! Стрелять из неё, что ли, собрался?

Ромка взглянул на свою правую руку, смутился и, запихнув изувеченную трубку микрофоном в карман джинсов, подобрал с пола отломанный от летающей тарелки металлический стержень с зеркальным брусом на конце.

Угол миновали благополучно, но, когда проходили мимо второго окна, кто-то из чёрного провала внятно произнёс: «Бу!» – и обоих отбросило от дома шагов на пять.

Луч фонарика канул в окно, как в колодец.

– Вроде никого... – пробормотал Василий.

– Может, показалось? – с надеждой спросил Ромка.

– Обоим, что ли?... – Василий ощупал лучом торец дома, ругнулся и убрал свет.

Одолеваемые самыми нехорошими предчувствиями, двинулись дальше. Василий с пистолетом – чуть впереди, а чуть поотстав – Ромка со стержнем. Вылитый индеец на тропе войны. Шли боком, как бы ожидая всё время нападения с тыла.

– Стоп! – тихо скомандовал Василий, глядя в сторону ног. – Это ещё что за чертовщина?..

Впереди, в трёх шагах, на сером покрытии лежал овальный отсвет. Из окна он никак падать не мог – иначе он был бы вытянут в другую сторону. Присев, Василий провёл над светлым пятном рукой, но тени растопыренной пятерни в пятне не обозначилось.

Поглядели с тревогой друг на друга. Ромка высвободил из кармана исковерканную трубку и движением, каким обычно подбрасывают хворост в костёр, кинул её в центр овала. Обрывок телефонного провода больно хлестнул по лодыжкам – трубка исчезла, даже не долетев до покрытия. Оба отпрянули.

– Так... – сипло проговорил Василий. – Будем знать...

Внимательно глядя под ноги, они добрались до угла и вышли за дом. Ни в одной из квартир, обращённых окнами в эту сторону, света не было. Зато по серому покрытию здесь и там беспорядочно разбросаны были всё те же овальные светлые пятна, как будто штук пятнадцать невидимых карманных фонариков освещали пористый похожий на пензу пол.

– Капканы... – еле выговорил Ромка.

Василий мрачно кивнул.

С прежними предосторожностями они вернулись к подъезду.

– Одно из двух, – угрюмо подытожил Василий. – Или он, зараза такая, сейчас за нами следит, или я не знаю что... Ну не спать же он лёг, в конце-то концов!

Они огляделись ещё раз. До мерцающего леса колонн было очень далеко. Пятиэтажка была рядом.

– Может, до утра подождать? – жалобно сказал Ромка.

– Мы ж под крышей, – напомнил Василий. – Какое тут может быть утро?

Он помолчал, явно на что-то решаясь.

– Значит, так... – заговорил он наконец. – Возвращаемся на угол, будто идём обратно, потом резко влево – и вдоль стены к парадному...

***

Оказавшись под бетонным козырьком, который впрочем, кажется, бетонным не был, Василий включил фонарик. Неровное волокнистое кольцо света медленно скользнуло по стенам короткого коридорчика, выхватило в глубине его пяток ступеней, площадку, затем вернулось и, облизав косяки, снова провалилось в глубину подъезда.

– Это не мы строили, – глухо проговорил Василий.

– Ага... – сдавленным эхом отозвался из-за плеча Ромка.

Дверей в парадном не было и, судя по отсутствию петель, не предполагалось. Но главное, конечно, не в этом. Вблизи здание поражало небывалой чистотой отделки и какой-то... наготой, что ли... Нигде ни карниза, ни выступа, порожек вот даже нет... Вдобавок возникало ощущение, что пятиэтажка эта вся выточена из единой глыбы. Да, наверное, Василий был прав: здание строили не люди.

– За улицей последи, – негромко приказал он, видимо, подразумевая другие подъезды, и осторожно перенёс ногу через несуществующий порог. Стоило ему это сделать, как в глаза ударил свет, и что-то с нечеловеческой силой ухватило левую руку Василия повыше локтя.

Он шарахнулся назад и вправо. Подъезд вновь провалился во тьму.

– Вот как звездану промеж фар! – прошипел Василий, в самом деле заноса рукоять пистолета. – Чуть не застрелил тебя, дурак!..

Ромка отпустил локоть и, кажется, хихикнул. Василий, не поверив, посветил спутнику в лицо и увидел, что оно и впрямь перекошено диковатой улыбкой.

– Так страшно ведь... – с нервным смешком объяснил Ромка.

Василий двинулся на него, выпятив челюсть.

– А трубку? – севшим от бешенства голосом проговорил он. – Трубку из автомата выдирать – не страшно было?..

Ромка убито молчал, и Василий снова повернулся к подъезду. Шагнул – и помещение исправно озарилось ровным, довольно ярким светом.

– Ну ясно... – проворчал Василий. – Хоть с этим разобрались...

Он внимательно изучил голые стены, потолок и остался в недоумении: лампочки нигде видно не было и откуда изливался свет – непонятно. Посмотрел, куда падает тень, и убедился, что не падает никуда, а расплывается из-под ног смутным пятном сразу во все стороны.

– Всё спокойно? – спросил он оставшегося снаружи Ромку.

Тот, спохватившись, огляделся и ответил, что всё спокойно. Василий продолжал осмотр помещения. Лестница ему, судя по выражению лица, решительно не понравилась: во-первых, без перил, во-вторых, ступеньки. Они были строго прямоугольные, без скруглений – тоже, короче, подделка...

– Слушай, – сказал Василий, и голос его гулко прозвучал в пустом подъезде, – а ведь, похоже, до нас здесь людей вообще не было...

– Почему?

Вместо ответа он обернулся и указал глазами на девственно чистые стены: нигде ни рисунка, ни надписи, ни даже копоты от прилепленной к потолку спички...

– А из окна тогда кто пугал?

– А хрен его знает... – Василий поставил ногу на первую ступеньку – и тут же осветился следующий пролёт, но зато погас свет в коридорчике. Погас и вспыхнул снова – это в подъезд вошёл Ромка.

– Я там один не останусь! – решительно предупредил он.

– А я тебя одного и не оставлю! – буркнул Василий. – Тебя только одного оставь...

На площадку смотрели три дверных проёма. Свет вымывал из них черноту где-то на метр, не больше. Те же идеально прямые углы, то же отсутствие петель, равно как и деревянных косяков с притолокой.

– Может, по первому этажу сначала? – затосковав, предложил Ромка.

Василий подумал.

– Нет, – решил он наконец. – Свет был на втором – значит, и пойдём на второй.

Они поднялись на второй этаж, где их ждали точно такие же проёмы в точно таком же количестве.

– Это налево, – определил Василий и посветил фонариком в левую дверь. – А ты пока за остальными приглядывай...

В квартирах шевелился мрак, и Ромка безрадостно взглянул на свой жалкий томагавк.

– Вва!.. Вва!.. – замогильным голосом пугнули из левого проёма, и Василий не раздумывая бросился на звук. Оцепеневший Ромка видел, как в озарившейся комнате его спутник чуть присел и сделал круговое движение, беря на прицел что ни попадя, после чего выпрямился в растерянности и опустил руку с пистолетом.

Братъ на прицел и впрямь было нечего. В совершенно голом квадратном помещении (прихожая почему-то отсутствовала) одиноко раскинулось огромное двух-, чтобы не сказать трёхспальное, ложе. Пустое. Предмет роскоши вызывающе сиял полировкой и выложен был нежно-упругими на вид квадратами, обитыми чем-то дорогим и ласкающим глаз.

– Справа, – отрывисто предупредил Василий, не оборачиваясь. – Смотри не вляпайся...

Но Ромка уже и сам увидел: в метре от входа на полу лежало овальное пятно чёрт её знает откуда падающей тени. Точно такое же, один к одному, только масть другая.

Василий тем временем приблизился к ложу и, убедившись, что спрятаться под ним невозможно, потыкал стволom в одну из квадратных подушек. Звук получился – как от соприкосновения двух булыжников.

Подошёл Ромка. В недоумении тронул кончиками пальцев другую подушку, потом, изумившись, провёл по ней ладонью.

– Во идиоты! – выговорил он, уставив на Василия совершенно круглые глаза. Подушка была холодная и твёрдая, как мраморная плита.

– Ладно, – сердито сказал Василий. – Бог с ней, с кроватью. Давай логически... Деться он отсюда никуда не мог... – Василий не договорил и прислушался.

– Ля-ля-ля-ля!.. – завопил в отдалении истошный альт и оборвался, словно певцу заткнули рот. Пистолет в руке Василия качнулся от проёма к проёму.

– В голову... – шёпотом подсказал Ромка.

– Чего?

– Если стрелять, то в голову... – пояснил Ромка.

– Придурок! – Василий смерил лопухого спутника уничтожающим взглядом. – Видиков, что ли, насмотрелся?..

Прислушались. На этаже было пусто и тихо.

– Ну что, пойдём дальше... – вздохнул Василий. – Не возвращаться же...

Следующая комната, наполнившаяся при первом их шаге холодным голубоватым свечением, оказалась совершенно пустой, если, конечно, не брать во внимание грудку желтоватой трухи в углу да рассыпанных по полу разноцветных похожих на выкройки лоскутов. То же окно, те же три чёрных дверных проёма. Кажется, этаж и впрямь был сквозным и состоял из одних только комнат: ни коридоров, ни кухонь, ни даже санузлов.

– Ну, понятно... – тихонько сказал Ромка.

– Что понятно? – машинально переспросил Василий, пробуя на ощупь ярко-алый лоскут. Лоскут был холодный и скользкий, как лягушачья кожа.

– Понятно, как это он сквозь стены ходил...

Эта невинная фраза привела Василия в бешенство.

– Да? – побагровев, гаркнул он. – Понятно? А с этажа на этаж ты прыгать умеешь? Без лестницы, а?

Отшвырнул с отвращением скользкий лоскут и, сопя, направился в угол. Ухватил щепотку желтоватой трухи, растёр в пальцах, понюхал... Труха как труха. Похоже, древесная.

Ромка растерянно поскрёб стриженный затылок. С этажа на этаж без лестницы... Так, может, тут и лестницы в комнатах есть?.. Осенённый такой мыслью, он немедленно сунулся в один из проёмов. Далее последовал приглушённый вскрик, и отшатнувшийся Ромка повернул к Василию смятое страхом лицо.

– Там... – выдохнул он, тыча во что-то стержнем. – Там...

Во мгновение ока Василий очутился рядом и чугунным плечом отпихнул Ромку назад, за спину.

Посреди залитой рубиновым светом комнаты, уткнувшись лицом в пол, лежало белое раздутое тело.

Глава 4

Хороша была Танюша, краше не было в селе...
Сергей Есенин

– Ни к чему не прикасаться! – отрывисто предупредил Василий. – Встань в дверях.

Ромка испуганно шевельнулся и замер. Большого он всё равно сделать бы не смог, поскольку и так стоял в дверях.

Василий потянул воздух круглыми ноздрями. Запаха вроде нет... А раздуло прилично... Или это у него бёдра такие?... Э! А труп-то, получается, женский...

Василий стоял неподвижно, работали одни глаза: оценивали, прикидывали, измеряли. Значит, так... Сначала место происшествия... Справа от двери на расстоянии двух метров от левой ноги трупа обнаружено... Василий нахмурился, но так и не понял, что же, собственно, обнаружено справа от двери. Поколебавшись, он определил находку как «предмет неправильной формы» и двинулся дальше. Глаза его довольно быстро обежали комнату против часовой стрелки и, кроме теневого «капкана» под окном, ни за что больше не зацепились. Что ж, тем проще...

Итак... Женский труп, совершенно голый, лежит приблизительно в центре комнаты по диагонали. Голова трупа направлена в ближний правый от окна угол.

Зафиксировав таким образом положение объектов, Василий двинулся к телу. Чудовищный бледный зад покойницы вздымался чуть ли не на полметра над уровнем пола. Ниже колен ноги вдруг истончались самым неожиданным образом, а заканчивались и вовсе условно: на левой ноге было четыре пальца, на правой – три. Кроме того Василий сразу обратил внимание на другую странность: несоразмерно маленькая голова трупа не имела волосяного покрова и лоснилась, как бильярдный шар.

Все эти несообразности он поначалу хотел списать на далеко зашедшее разложение, но теперь уже было ясно, что никакого разложения тут нет и в помине, что труп свеженький. Если это вообще труп.

Василий присел на корточки и принялся осматривать тонкую вывернутую ладошкой вверх руку. Весьма любопытная была рука. То, что на ней насчитывалось всего четыре пальца, как и на левой ноге, – полбеда, а вот то, что ни один из них не являлся большим... Такое ощущение, что потерпевшая сплошь состояла из особых примет.

– Может, тут радиоактивный фон повышенный? – негромко спросил Василий и сам затосковал от такого предположения. В своё время чудом избежав отправки в Чернобыль, он с тех пор панически боялся радиации.

– Ну чего стал столбом! – прикрикнул он на оцепеневшего в дверях Ромку. – Иди – поможешь...

С отворачиванием на лице Ромка сделал шаг, и темнота немедленно оккупировала дверной проём.

– Давай перевернём, – сказал Василий. – Чего косоротишься? Зимой вон один мужик дома помер, полмесяца у теплой батареи пролежал – и то ничего: по частям выносили... в противогазах... – Он протянул руку к чудовищному бедру и тут же отдернул пальцы. Гладкая без единой поры и без единого волоска кожа оказалась прохладной, но не более того. Мёртвому телу полагалось быть куда холоднее.

Где-то вдали по тёмным комнатам явственно прошлёпали босые ноги.

– Так, – сказал Василий. – Значит, между делом... Ты приглядываешь за дверью слева, я – за дверью справа. Давай-ка...

Он убрал пистолет в кобуру, оставив её, однако, расстёгнутой. Ромка, преодолев приступ дурноты, нагнулся, и вдвоём они потянули бледную тушу на себя, взявшись за плечо и за бедро. Тело перевернулось неожиданно легко, махнув гибкой, как шланг, четырёхпалой рукой.

Оба поспешно встали и отступили на шаг. Перед ними лежало нечто невообразимое.

Ещё когда перевертывали, у Ромки ёкнуло сердце – он заметил, что у существа отсутствуют уши. Теперь выявилось отсутствие и всех прочих черт, как-то: носа, рта, глаз... Лицо и затылок лежащей по сути не отличались друг от друга ничем.

Пережив первую оторопь, они пригляделись повнимательней, в результате чего пережили поочередно вторую, третью и четвёртую. Плечи у чудовищной дамы были слегка кривоваты, руки – разной длины, зато бюст... Такого бюста Василий отродясь не видывал. Ромка – тем более.

Талия довольно тонкая, бёдра... Ну о бёдрах речь уже велась... А в целом фигура производила такое впечатление, будто какой-то скульптор-дилетант довольно тщательно, хотя и прехотливо, изваял бёдра и бюст, а руки-ноги-голову заканчивал уже наспех и как попало.

– Слушай, да это кукла! – ошарашенно проговорил Василий.

Они посмотрели друг на друга и страдальчески наморщили лбы, явно припоминая, где они уже могли видеть эту нестерпимо знакомую композицию. Хотя чего там было вспоминать: обычная заборная живопись – все пропорции оттуда.

Создание лежало, бесстыдно раскинув ноги. Василий взглянул и содрогнулся: выставленные напоказ тайные прелести были выполнены с анатомической точностью. Чувствовалось глубокое знание предмета.

Он нагнулся и с сосредоточенным видом прощупал истончающуюся конечность, пытаясь определить, есть ли там внутри кости. Что-то вроде прощупывалось, но как-то уж больно неопределённо.

– А вдруг это она?... – замирающим шёпотом произнёс над ухом Ромка, и милицейская фуражка Василия шевельнулась вместе с волосами.

– Что «она»? – ощерившись, повернулся он к Ромке. – Ходила? Пугала?... Совсем уже пробки перегорели?! – Василий схватил и подбросил четырёхпалую бледную руку. Рука безжизненно шлёпнулась на пол. – Это же кукла, понимаешь, кук-ла!..

Ромка зачарованно смотрел на громоздящееся у ног тело, и всё время казалось, что вот сейчас оно пошевелит бледными пальцами и медленно-медленно начнёт поднимать голое слепое лицо.

Василий встал и огляделся со злобой и отчаянием. Уж лучше бы это был труп...

– Надо же! – ядовито выговорил он. – Морды нет, зато... – Тут он, спохватившись, оглянулся на Ромку, но, сообразив, что все слова тому давно уже известны, назвал орган по имени. – Как нарисованная!..

Ромка смотрел на него с тоской и завистью: судя по всему, железный человек Василий был напрочь лишён воображения.

– Ладно, – словно сжалившись над впечатлительным спутником, сказал тот. – Бог с ней. В конце концов, не наше это дело... Пошли дальше.

Уже в дверях он бросил через плечо недовольный взгляд в сторону так и неосмотренного «предмета неправильной формы», даже поколебался, не вернуться ли. Не вернулся. Что-то подсказывало Василию, что впереди их ждёт ещё чёртова уйма подобных, а точнее – ничему не подобных предметов...

И предчувствие не обмануло. Беззвучно вспыхивал свет, расплывались под ногами смутные тени, лезли в глаза какие-то уродливые то ли заготовки, то ли обломки: нечто вроде двуногой табуретки с шишковатым сиденьем, потом пригорок дурно пахнущего (если надавить) желтоватого ветхого поролон. И наконец койка.

Вернее это была даже не койка, а грядущка от неё с огрызком рамы. Вся какая-то вывихнутая, словно металл долго и тщательно выгибали, уродуя с любовью каждую деталь по очереди... Однако внимательный осмотр, произведённый Василием, показал, что всё не так. Во-первых, грядущка и часть рамы представляли собой как бы единую отливку. Во-вторых, никто ничего не уродовал – всё говорило о том, что кровать была именно такой с момента изготовления. Прутья, например, при всём желании не могли бы идти параллельно, потому что расстояние между ними сверху и внизу было разное, как, впрочем, и длина самих прутьев.

Кроме того, создавалось впечатление, что недостающая часть койки не отпилена и не отломана, а как бы отъедена, ну, скажем, личинкой насекомого – на эту мысль Василия натолкнули желобки и ямки, какие остаются обычно в бревнах после жучка-древоточца. Точно такая же резьба по металлу обнаружилась и на одной из уцелевших ножек. Иными словами, койку пробовали глотать и с этой стороны...

– Ни фи-га себе!.. – сказал Ромка в соседней комнате, и Василий встревоженно поднял голову. Судя по тону высказывания, ничего страшного за стеной найдено не было, но лучше бы, конечно, по комнатам не разбредаться.

– Ну что там ещё? – недовольно спросил Василий.

Ромка появился в проёме, и в руках у него была... Василий моргнул и поднялся. Книга. Серый увесистый томик с золотым тиснением.

– Вот... – растерянно пояснил Ромка. – Валялась...

Василий взял книгу и тупо уставился на обложку. Лев Толстой. «Анна Каренина». Осмотрев и ощупав переплёт, невольно покосился на вывихнутую койку. Та же история... Такое ощущение, что томик выпустили с чудовищным браком: крышка – пропеллером, корешок – вогнутый, даже толщина сверху и внизу – разная.

– Внутри... – почему-то шёпотом подсказал Ромка.

Василий раскрыл томик на середине и вновь моргнул. Сначала показалось: что-то со зрением. Внезапная близорукость или что-нибудь ещё в этом роде. Ни одной строчки прочесть было невозможно – буквы расплывались, как на промокашке, крохотными серыми пятнышками. В состоянии, близком к панике, Василий полез в начало книги. На первой странице значилось: «Глава 1. Все счастливые семьи счастливы одинаково. Все несчастные семьи несчастны по-разному. Всё смешалось в доме Облонских. Стива проснулся...» Далее буквы теряли очертания, и строки шли бессмысленными полосками до конца страницы.

Василий принялся лихорадочно листать. Бумага была рыхлая и толстая, как блин, – увесистый томик состоял из каких-нибудь полусотни страниц. И на каждой – одно и то же... Лишь однажды серые пятнышки обрели очертания и сложились в ясную, вполне определённую фразу: «У Вронского была красная шея...»

– Ты что-нибудь понимаешь? – в недоумении спросил Василий – и вдруг умолк.

«Туп... туп... туп...» – негромко, но явственно отдавалось по гулким тёмным комнатам. Кто-то опять шёл босиком – только походка на этот раз была другая: нетвёрдая, вроде бы даже пьяная.

Василий без стука положил книгу на пол и взялся за кобуру. Плохо, что этаж был сквозным, – шаги доносились как бы из трёх проёмов сразу.

Оба замерли, вслушиваясь, хотя, честно говоря, пора было уже не вслушиваться, а всматриваться.

Первым увидел Ромка. Зрачки его расплылись во весь раёк, и он закричал, как подстреленный заяц.

Василий крутнулся волчком – и чуть не выронил пистолет. На его глазах из мрака, заполнявшего проём, вылепились вздутые переваливающиеся бёдра, колышущиеся ядра груди и бледный слепой отросточек головы.

Качаясь с боку на бок, враскорячку, она с невероятными усилиями ковыляла к нему, призывно раскинув четырёхпалые руки, одна из которых была явно короче другой. Истончающиеся от колен ножки вихлялись и гнулись под тяжестью чудовищного тела.

Заячий Ромкин визг пронзал перепонки. Чувствуя, что всего миг отделяет его от безумия, Василий судорожно нажимал и нажимал на спуск, но выстрела (как и полагается в бреду) не было.

Наконец, дико заорав, он прыгнул навстречу надвигающемуся на него безликому ужасу и что было силы впечатал рукоять пистолета в крохотный голый лоб. Хилые ножки подломились, белёсая туша откинулась назад и затем повалилась на спину, запоздало смыкая объятия тонких ручек.

Василий перепрыгнул через упавшую, почувствовал, как слабые пальцы пытаются ухватить его за штанину, не глядя ударил по ним рукояткой и кинулся в проём. Следом метнулся Ромка. Стремглав проскочив несколько комнат и чудом не сверзившись с лестницы без перил, они вылетели из подъезда, но не остановились, а продолжали бежать, пока не кончилось дыхание.

Первым упал Ромка, за ним – чуть поотставший Василий. Последним страшным усилием он ещё заставил себя поднять голову и, лишь убедившись, что никто за ними не гонится, вновь задохнулся и лёг щекой на пористое стекловидное покрытие.

Они долго лежали рядом и не могли произнести ни слова. Мерцание гигантских конструкций разливалось над ними, как северное сияние.

– Я же говорил, что это она... – всхлипнул Ромка и стукнул кулаком в пол.

Василий шевельнулся, сел. Осмотрел пистолет и, негромко ругнувшись, убрал в кобуру. С предохранителя надо снимать, когда стреляешь!

– Отец-мать живы? – угрюмо спросил он.

Ромка молчал – видимо, собирался с силами.

– Живы... – глухо отозвался он наконец. – Шмотки делят...

– Это как?

– Ну... разводятся...

Василий покивал понимающе-скорбно, потом протянул широкую лапу и грубовато огладил колкое жнивье на Ромкином затылке.

– Ничего, Ром... Выкрутимся как-нибудь...

***

Несмотря на то, что в отчаянном своём рывке они покрыли чуть ли не двести метров, путь до фосфоресцирующих громад оказался неблизким – как выяснилось, гладкий стеклистый пол скрадывал расстояние. Отупев от пережитого, плелись молча, лишь изредка вздыхая и оглядываясь на сильно уменьшившуюся пятиэтажку. Если верить наручным часам Василия, дело шло к половине четвёртого.

– Слушай, а ведь и впрямь светает...

Они остановились и с неохотой запрокинули головы.

– Это колонны отсвечивают... – сердито буркнул Ромка.

От основания ближайшей опоры их отделяло уже не более пятидесяти метров. Огромная, как небоскрёб или телебашня, вся изрезанная по вертикали канавами и расселинами, колонна возносилась, мерцая, к стеклистому потолку, в который и вращалась на умопомрачительной для русского провинциала высоте.

И вовсе она была не круглой, как казалось издали. Если спилить её под корень, то срез пня, скорее всего, имел бы форму амёбы.

– Понастроили хренотени... – проворчал Василий. Ромка вздохнул и не ответил.

Они приблизились к самому подножью и вдруг, словно разом прозрев, остановились.

В бледно-золотистой отвесно взмывающей ввысь стене приблизительно на уровне человеческого роста были глубоко вырублены три огромные корявые буквы. Короткое матерное слово.

Молчание длилось не меньше минуты.

– Так... – сипло выговорил наконец Василий. – Выходит, мы тут всё-таки не первые...

Оба вздрогнули и посмотрели друг на друга, поражённые одной мыслью: а что же стало с тем, кто это выдолбил? Надпись – осталась, а сам?..

Глава 5

*Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!*
Николай Некрасов

Василия мучили кошмары. Ему снилось, что он мечется, увёртываясь, по своей разгромленной комнате, а за ним, раскинув руки неравной длины, ковыляет враскачку страшная безликая кукла. С кривоватого белёсого плеча медленно соскальзывает гардина, сорванная и брошенная ей в голову Василием (Зачем? Она ведь и так слепая!), а он, выиграв очередную пару секунд, рвёт дверцу шкафа и выдёргивает ящики, точно зная, что где-то тут должен быть его пистолет.

Вновь увернувшись, он оборачивается и цепенеет от ужаса: в углу комнаты, грозно подбоченившись, стоит жена и, сводя брови, наблюдает за безобразной сценой.

– Ах ты кобель-кобель!.. – скривив рот, говорит она и выходит из угла, явно не понимая, насколько это опасно.

– Куда?.. Назад!.. – в страхе кричит Василий, но жена вдруг начинает пугающе меняться, и вот уже две слепые белёсые твари, раскинув руки, идут на него с двух сторон. Теперь не выкрутиться... С этой отчаянной мыслью он и проснулся.

Резко приподнявшись на локте, открыл глаза, но радость, озарившая покрытое испариной лицо, быстро сменилась растерянностью, и, испустив болезненное «о-ох...», Василий зажмурился и уронил тяжёлую взъерошенную голову на грудь.

Заставив себя снова разжать веки, он увидел свою мощную пятерню, упирающуюся в светло-дымчатое слегка искрящееся покрытие. На ощупь оно было упругим и прохладным, как чисто вымытый линолеум. А с виду – и не подумаешь даже: хрупкое, твёрдое, щёлкни – зазвенит...

Василий поднял глаза, и взгляд его уткнулся в бледно-золотистую стену, как бы склеенную из вертикально набранных коротких соломинок. Стена уходила ввысь и кончаться никак не желала. Он полулежал, опираясь на локоть, в глубокой, как комната вдавливине, являющейся началом канавы, бегущей чуть ли не до самого верха титанической колонны. Здесь же, в нише, у противоположной стены, скорчившись, спал лопоухий стриженный Ромка, причём, судя по тому, что глаза его так и катались под веками, во сне ему тоже приходилось несладко.

А вокруг... Василий изумлённо сложил губы колечком, словно собираясь присвистнуть. Вокруг был день! В каких-нибудь ста метрах от их логова соломенно посверкивал такой же резной небоскрёб, а покрытие напоминало гладь пруда в безветренное пасмурное утро.

Василий тяжело поднялся на ноги и вдруг почувствовал, что кобура соскальзывает с бедра. Он прихлопнул её ладонью, но поздно – табельное оружие глухо ударилось об пол. Поспешно нагнулся и, уже подбирая, в смятении ощутил, что левая ягодица у него, кажется, голая. Схватился со шлепком... Ну точно, голая! Извернувшись, оглядел левый бок.

Такое впечатление, что, пока Василий спал, над его формой изрядно потрудился вор-рецидивист высокого класса, вооружённый импортным лезвием, – все части одежды, соприкасавшиеся с полом, исчезли бесследно. Ошарашенный, он перевёл взгляд на то место, куда положил перед сном фуражку, и увидел, что от неё остались одни только металлические причиндалы: кокарда, распорка и две пуговицы. Всё остальное, надо полагать, было втихаря съедено стеклистым мелкогубчатым полом.

– Закрой!.. На ключ закрой!.. Не пускай её!.. – заметавшись, сбивчиво заговорил во сне Ромка, и Василий воззрился на него, раздувая ноздри. Затем лицо сержанта исказилось злобой, и он шагнул к спящему с явной целью поднять его пинком в ребра. Но, к счастью, осуще-

ствиться этому зверству было не суждено – наполовину съеденный ботинок свалился с занесённой уже ноги.

– Это ты так караулишь? – заорал Василий, потрясая огрызком ремня с кобурой. – Паразит ты лопоухий! Твоя же очередь была!..

Ромка взбрыкнул, вскинулся, тоже явив нагие участки тела, и широко раскрыл совершенно безумные глаза. Попадая из одного кошмара в другой, он смотрел на Василия и ничего пока не понимал.

– Я же тебе часы дал! – неистовствовал тот. – Сказал же: через час разбуди!..

Ромка сморщился и, осторожно взявшись за стриженую лопоухую голову, тихонько замычал. Тут Василий почувствовал угрызения совести и, замолчав, принялся горестно изучать повреждения. Что хозяева сволочи, он заподозрил ещё вчера, но чтобы так изуродовать форму... Василий чуть не плакал.

– Суки! – кривясь, говорил он. – Главное, неделю только как выдали – новенькая же форма была!..

В защиту его следует сказать, что Василий вообще отличался аккуратностью: штатское носил весьма бережно, казённое – тем более. Поэтому немудрено, что вся эта история вывела его из равновесия. Правда, и Ромка, слегка опомнившись, тоже повёл себя не лучшим образом.

– Разнылся! – презрительно выговорил он. – Были бы хоть штаны, а то...

Естественно, что после такой реплики Василий снова стал невменяем.

– Ах это тебе не штаны? – завёлся он с пол-оборота. – Раз меньше пяти сотен – так, значит, уже не штаны тебе, да? Кроссовки за триста порвал, выбросил – ничего? Родители новые купят?.. И покупают ведь! И воруют, чтобы вас одеть!.. Так даже этого не цените!..

Потом оба охрипли, поуспокоились и, светя голыми задницами, стали считать потери. От резиновой палки не осталось практически ничего, часы остановились на четверти пятого и заводиться больше не желали. С фонариком случилось и вовсе нечто загадочное: все его пластмассовые детали как бы растаяли, и теперь, если потрясти, он тарахтел, как погремушка. Но что самое обидное – металлическая кувалдочка, отломанная Ромкой от летающей тарелки, как лежала – так и осталась лежать целехонькая...

– Что ж всё-таки с тем мужиком-то стало? – в мрачном раздумье проговорил наконец Василий, явно имея в виду автора матерной надписи.

– Зажевали! – злобно ответил Ромка.

– Кто?

– Кто-кто... Кто нас вчера по этажам гонял?

– Ну, это ты брось! – решительно сказал Василий. – У ней и рта-то нету... Чем она тебе зажуёт?

– Чем-чем... – ответил Ромка. Хотел срифмовать, не сумел – и расстроился окончательно.

– Жрать охота, – сообщил он сварливым старушечьим голосом.

– Мне, что ли, неохота? – огрызнулся Василий, успевший за время разговора разобрать и собрать свой «макаров». Слава богу, хоть оружие было в порядке.

Кое-как задрапировав чресла обрывками брюк, они вышли из ниши и остановились в недоумении. Справа, неподалёку, на искристом покрытии выстроились шеренгой четыре молочно-белые глыбы.

– Вчера же только одна была... – озадаченно молвил Ромка.

У Василия напряглось лицо. Пристально оглядев окрестности, он вынул босые ноги из полусъеденных ботинок и крадучись двинулся в обход, жестом скомандовав Ромке заходить справа. Тот испуганно моргнул – и подчинился. Пока шли, его дважды омыло ознобом – почувдилось, что из-за глыбы осторожно, как щупик улитки, высовывается гладкий слепой отросток головы. Слава богу, только почувдилось...

Василий же, убедившись в отсутствии засады, казалось, был разочарован. Ещё раз оглядел окрестности и, нахмурившись, занялся собственно глыбами.

(Четыре изделия неправильной формы из материала, напоминающего мрамор. Расположены параллельно стене опоры. Отстоят друг от друга приблизительно на полтора метра. Поверхность – округлая, гладкая...)

Василий внимательно их осмотрел, кое-какие ощупал, а самую маленькую, ту, что разлѣглась на покрытии двухметровым кривым огурцом, попробовал даже приподнять.

– Чѐрт знает что такое... – раздражѐнно подвѣл он наконец итог. – Ну, допустим, привезли, сгрузили... Зачем?

Округлые молочно-белые глыбы безмолвствовали. Самая большая напоминала по форме тазобедренный мосол. И как хотите, а присутствовало во всех четырёх что-то неуловимо непристойное.

Василий, голодный и злой, присел на краешек так и не приподнятой глыбы и, тоскливо прищурившись, запрокинул голову. В высоте, где сходились пучком, согласно законам перспективы, гигантские опоры, кусочком пасмурного неба проглядывал светлый дымчатый потолок. Мягкий ровный свет играл, разливаясь, на бесчисленных выступах и вдавливах золотистых громад.

– Ну а если логически! – сердито заговорил Василий. – Что она нам может сделать? Рта – нет, ручонки – слабые...

Не услышав ответа, обернулся. Ромка стоял у противоположной оконечности глыбы и смотрел на него, как на идиота.

– Так а вдруг там, в доме, ещё что-нибудь!..

Василий крикнул, задумался, взялся было по привычке за козырёк и выругался – негромко, но с чувством. Козырька, сами понимаете, не было.

– Ну хорошо... – нечеловеческим усилием подавив раздражение, проговорил он сквозь зубы. – Надпись была где? На опоре, так? Значит мужик тот из пятиэтажки тоже выбрался. Если он, конечно, туда вообще заглядывал... А потом?

– С голоду помер, – злобно ответил Ромка, заметно осунувшийся и вроде бы ставший от этого ещё более лопухим.

Василий засопел.

– Да нет, – сказал он наконец. – С голоду такое не пишут. С голоду он бы чего-нибудь жалостное написал...

Веснушчатое Ромкино лицо зверски исказилось.

– Козлы! – с ненавистью выговорил он. – Завезли фиг знает куда, жрать не дают... – Не договорив, он взмахнул своей зеркальной кувалдочкой и в сердцах обрушил её на округлую оконечность глыбы.

Результат был ошеломителен. Молочно-белая глыба издала звук пушечного выстрела и буквально взорвалась – разлетелась на тысячу разнокалиберных осколков. Не успевший вскочить Василий с маху повалился в них спиной, чудом не сломав себе позвоночник.

– Ты что делаешь, придурок?! – заорал он.

Ромка, выронив железяку, отлетел к стене и обмер, с ужасом глядя, как Василий, рыча, ворочается в обломках.

– Вася, не хотел! Честное слово, не хотел! Веришь, нет?..

Василий наконец поднялся, ринулся было к Ромке, но, наступив босой ногой на мелкий осколок, охнул, захромал и остановился, сдавленно матерясь.

– Вась, ну я же не знал, что она такая хрупкая! – крикнул Ромка.

– Руки тебе повырывать, недоумку! – с пеной у рта проскрежетал Василий, наклоняясь за оброненной кобурой. Сунул табельное оружие под мышку и, страшно, по-звериному сопя, принялся ощупывать многочисленные ушибы и вдавлины.

– Вася... – дрогнувшим голосом позвал Ромка.

Василий покосился раздражённо и вдруг понял, что Ромка смотрит вовсе не на него, а куда-то в сторону. Почуввав неладное, он повернул голову и тоже замер. Возле крайней глыбы, уставя на них выпуклые и круглые, как линзы полевого бинокля, глаза, стояло некое вполне человекоподобное существо ростом не выше метра. Оно было покрыто нежным серебристым мехом и слегка сутулилось, свесив слабые шестипалые лапки до розовых пролысинок на коленях.

Василий выпрямился и осторожно прочистил кашлем вконец пересохшую глотку, заставив существо встревоженно отодвинуться.

– Здравствуйте, – сказал он, и Ромка с трудом подавил истерический смехок: показалось, что Василий сейчас козырнёт.

Существо (глаза – с пятак, зрачки – с трёхкопеечную монету) пронзительно чирикнуло и, ухватив обеими лапками обломок покрупнее, попыталось его шевельнуть.

– Это случайно, – торопливо сказал Василий. – Товарищ просто не знал, что они у вас такие хрупкие...

Существо напряглось и поволокло обломок куда-то прочь.

– Не понял... – охрипнув, сказал Василий и оглянулся на Ромку. Тот тоже ничего не понимал.

Существо оттащило обломок метров на пять и вприпрыжку вернулось за вторым – поменьше.

– Может, пойдём поможем... – неуверенно предложил Василий, по-видимому, вообразив, что хлипкий представитель иного разума пытается убрать мусор с проезжей части. Однако действительность быстро развеяла его милицейские фантазии. Добравшись до места, существо, задрожав всем тельцем, подняло ношу на уровень выпуклых глаз и что было силёнок грянуло вторым обломком по первому.

– Чего это он? – испуганно понизив голос, спросил Василий.

– Доламывает, – пояснил не менее озадаченный Ромка.

С четвёртого удара нижний обломок распался надвое, и, видя, что существо успокоиться на этом не собирается, Ромка решительно выступил вперёд.

– Эу! – окликнул он. – Оу! Ты! Козёл! Жрать хотим, понимаешь?

В ответ существо заверещало, замахало ручонками, то ли указывая куда-то, то ли кого-то подзывая. Путники оглянулись, но никого пока не увидели.

– Вась, давай смоемся! – взволнованно предложил Ромка. – Вдруг это опять она!..

– Стой где стоишь! – отрывисто приказал Василий, и тут из-за ближайшей опоры проворно выкатилось нечто не имеющее аналогов в мировой практике.

Чёрное, лоснящееся, слегка напоминающее огромную мокрицу, оно то ли ползло, то ли как-то там перетекало по гладкому дымчатому полу. Заурчав, наехало на первую грудку обломков и, оставив за собой чистое пространство, направилось к главной россыпи.

– А, так это мусорка... – с облегчением сказал Ромка.

– Похоже... – проворчал Василий.

Устройство играючи справлялось с завалами. Вовсе не чёрное, как показалось вначале, а скорее густо-чернильного цвета, оно было как бы облитое жидким стеклом, под которым, если всмотреться, вскоре начинали мерещиться проскакивающие искорки и сложные металлические детали.

Внезапно Ромка сорвался с места и кинулся наперерез.

– Стой! – рывкнул Василий, но тот уже выхватил из-под слепой округлой морды механизма свою зеркальную кувалдочку.

– Чуть не зажевала... – объяснил он, возвратясь. Глаза у него от страха и восторга были совершенно круглые.

– Ш-шалопай!.. – сказал, как шаркнул по наждаку, Василий.

Устройство тем временем слизнуло последние молочно-белые осколки, съело сброшенную Василием обувь и, укатившись в нишу, вплотную занялось Ромкиными кроссовками. Затем выставило наружу слепое глянцево-рыло, замерло, как бы приносясь, и вдруг двинулось полным ходом к оголодавшим путникам.

– Э! Э! – сказал Василий, на всякий случай расстёгивая кобуру. Но тут он обратил внимание, что стоят они уже втроём. Третьим был мохнатый инопланетяничек. Собственно, он даже не стоял, а суетился, забегая то справа, то слева, но всё равно у Василия сразу отлегло от сердца.

Устройство осадил в метре от них. Затем последовала лёгкая вспышка, как будто стеклянный корпус наполнился на миг молочным туманом, и «мусорка» деловито поползла (потекла? покатила?) прочь.

Путники ошалело глянули под ноги. На полу лежали, лоснясь, каплевидные пластиковые капсулы, граммов по сто пятьдесят каждая. Две оранжевые, одна фиолетовая, остальные салатные.

Василий и Ромка вопросительно уставились на пушистого аборигена. Тот ухватил одну из капсул и, почему-то отбежав, с урчанием впился в неё мелкими зубками.

Переглянулись с сумасшедшей надеждой и быстро подобрали по капсуле. Надкусили. Содержимое напоминало густой бульон – пряный и несколько сладковатый.

– Спасибо... – растерянно сказал Василий. И, видя, что абориген непонимающе таращит глазищи, на всякий случай перевёл: – Данке...

Когда-то в школе Василий учил немецкий.

Глава 6

*«Куда ты завёл нас?» – лях старый вскричал.
Кондратий Рылеев*

Поскольку единственный пригодный для сидения валун был уничтожен, устроились прямо на полу, под самой большой и самой устойчивой глыбой – той, что напоминала тазобедренный мосол.

– А ведь так, глядишь, и выкрутимся... – задумчиво говорил Василий, выжимая капсулу досуха. – Другие нас за эту каменюку знаешь бы как взгрели! А они – ничего... Пожрать вот дали...

– Ничего! – язвительно фыркнул Ромка. – А вчера?

– Ну, вчера... – уверенно начал Василий, но уверенности его хватило как раз на два слова. Он смял в кулаке пустую оболочку и тяжело задумался.

– Ладно, – буркнул он наконец. – Пожрём – у хозяина спросим...

– Да он куда-то делся... – сказал Ромка.

Тут, как бы в ответ на его слова, поблизости раздалось гневное чириканье, и из-за глыбы вылетел давешний знакомец с сильно похудевшей капсулой в левой лапке. Нежная серебристая шерстка стояла на нём дыбом, и он возбуждённо указывал на что-то, располагающееся неподалёку от Ромки.

Тот взглянул и, вздрогнув, отпрянул. На расстоянии вытянутой руки к полу припало ещё одно точно такое же лупоглазое и пушистое существо. На глазах у Ромки оно испуганно отдернуло шестипалую розовую лапку, с помощью которой явно собиралось приделать ножки отложенной про запас капсуле.

– Брысь! – заорал Ромка, и мохнатый серебристый жулик мгновенно юркнул за глыбу.

– Вась, – растерянно сказал Ромка. – Он у нас жратву стащить хотел...

Привскочивший Василий стоял теперь на коленях (в левой руке – кобура с пистолетом, в правой – початая капсула) и, приоткрыв рот, смотрел на закругление глыбы. Затем перевёл взгляд на первого аборигена. Тот пронзительно верещал вслед воришке что-то обидное и вообще ликовал.

– А этот его вроде как заложил... – ошарашенно пояснил Ромка.

Так ничего и не сказав, Василий снова привалился спиной к глыбе и машинально поднёс капсулу ко рту. Лицо у него было мрачное, глаза – напряжённые, размышляющие.

– Нет, – проговорил он наконец. – Это не хозяева...

– А кто? – жадно спросил Ромка.

– А я откуда знаю! Зверьки какие-нибудь... Ну, вроде как у нас кошки...

– А хозяева?

– Слушай, отвяжись! – вспылil Василий. – Хозяев ему!.. Ты вон лучше консерву эту поближе положи, а то в самом деле уведут.

Ромка отдал капсулу Василию, и некоторое время оба сидели с лицами, одинаково недоумёнными и встревоженными, видимо, пытаясь представить, как выглядят хозяева.

– А вдруг они все уже вымерли? – упавшим голосом предположил Ромка.

Василий посмотрел на него с удивлением.

– Как же вымерли? – возразил он. – Мусорки-то ездят...

– Мало ли что... – сдавленно сказал Ромка и, встав, подобрал свою кувалдочку, чем сильно напугал лупоглазого доносчика, с писком шарahnувшегося от греха подальше.

– Да нужен ты мне... – горестно пробормотал Ромка и, волоча ноги, пошёл к причудливо изогнутой стене. Остановился, ссутулился. Стена состояла из множества крохотных вер-

тикальных стерженьков соломенного цвета. Машинально подковырнул одну из таких соломинок и убедился, что ломаются они на удивление легко.

– Вася, какое сегодня число? – шмыгнув носом, спросил он.

– Ты что там опять делаешь? – всполошился тот. – А ну отойди от стены!

– Так я же не матом, – сказал Ромка. – Число только и фамилии.

Тяжело ступая, Василий подошёл к Ромке и уставился в стену, из которой было уже выковырнуто стерженьков десять.

– А чего? – с вызовом сказал Ромка. – Хоть память останется!

Василий крикнул и нахмурился.

– Ладно, – сказал он после тяжелейшей внутренней борьбы. – Только ты это... Фамилий не надо. Василий, Роман... ну и число. И всё.

Закончив надпись, отступили на шаг и с минуту молчали.

– Ну что? – вздохнув, сказал Василий. – Я так думаю, что днём нам бояться нечего... Пойдём-ка, Ромк, на площадь... Давай только порядок наведём сначала...

Он присел на корточки и принялся собирать в горсть выломанные стерженьки.

– Да сами уберут! – попробовал урезонить его Ромка. – Что ты им, дворник?

Василий насупился и не ответил.

– На вот, – сказал он, поднявшись, и высыпал мусор Ромке в ладонь. – Пойди запихни куда-нибудь, чтобы видно не было... И пакеты по дороге собери...

Чувствуя, что Василий от него не отвяжется, Ромка не стал спорить и, недовольный, пошёл к глыбам.

– Ну и что тут собирать?

Они оглядели пустое покрытие. Брошенные под глыбой скомканные оболочки от капсул куда-то исчезли, не иначе, растворённые и усвоенные стеклистым полом.

– Н-ну, понятно... – озадаченно вымолвил Василий. – А я думаю: что это у них везде чистота такая?..

Ромка презрительно скривил рот и не скрываясь сыпанул стерженьки на пол.

***

Странное дело: когда вчера ночью плутали в поисках ночлега меж флуоресцирующих небоскрёбов, молочно-белые валуны встречались куда реже и всё больше поодиночке. Теперь же, в какой проулок ни сверни, – везде нежно сияли целые россыпи причудливых округлых разнокалиберных глыб.

– Да что они здесь, как грибы растут? – не выдержал наконец Василий, обогнув очередную опору.

Сказано было метко. Скопление действительно напоминало выводок гигантских шампиньонов.

– Интересно, они все такие хрупкие? – пробормотал Ромка, озабоченно оглядывая ближайший экземпляр.

– Ты у меня дождёшься! – пригрозил Василий. – Нет, ну что за народ такой! Стоит куда прилететь – так либо ломает что-нибудь, либо похабщину на стенке вырежет...

– Как будто они знают, где похабщина, где нет! – возразил Ромка, надо полагать, имея в виду хозяев.

– А то не видно, что ли? – сказал Василий. – Ты вон лучше под ноги смотри: тут тоже капканов полно...

Действительно, под одной из глыб разлёгся, подстерегая, зловещий овал неизвестно откуда падающей тени. Ромка прицелился и плюнул. Плевков с лёгким треском исчез на лету.

– Работает, – с невинной физиономией сообщил Ромка нахмурившемуся Василию.

Они обогнули уже опор десять, а площадь впереди всё не показывалась и не показывалась. И это было тем более обидно, что вчера они пытались запомнить дорогу именно по глыбам, не предполагая, естественно, что наутро этих глыб будет кругом – как собак нерезаных. Но в конце концов просвет между опорами всё же замаячил, правда, не впереди, как ожидалось, а справа.

– По краю, короче, плутали, – с облегчением подытожил Василий.

Они повернули вправо и вскоре вышли на блистающую, как ледяное озеро, площадь.

– Э! – сказал вдруг Ромка. – А где же?..

Пятиэтажки на площади не было. Василий в считанные секунды постарел лицом лет на десять.

– Чего я и боялся, – угрюмо проговорил он.

– Куда они её дели? – поражённо спросил Ромка.

– Никуда не дели, – буркнул Василий. – Площадь не та. Другая... Ну, вышли, вышли мы не туда, понимаешь?

Ромка огляделся.

– Как же не туда? – возразил он. – Были мы здесь вчера! И надпись – вот она...

Что правда, то правда: на выпуклой стене ближайшей опоры похабно растопырилось глубоко вырубленное матерное слово. Озадаченный Василий подошёл и внимательнейшим образом изучил его.

– И надпись тоже другая, – сообщил он. – У той «У» прямая была, а у этой, видишь, с загогулиной...

Осмотрел покрытие и, не обнаружив на нём и следа от выломанных стерженьков, вынужден был прийти к мысли об относительной давности преступного деяния.

– Руки пообломать!.. – проворчал он, глядя исподлобья на обезображенную стену.

Ромка за спиной тихонько охнул, и Василий обернулся, встревоженный. Его лопухий стриженный спутник стоял, запрокинув голову, и, зачарованно глядя ввысь, беззвучно шевелил губами.

Василий взглянул – и обмер. С невероятно удалённого льдистого потолка, обращённая теперь к странникам крышей, свешивалась искомая пятиэтажка. Верх и низ в сознании Василия поменялись местами, и ему показалось вдруг, что он летит стремглав с чудовищной высоты. Присел, словно желая ухватиться за гладкий пол, и довольно долго не решался выпрямиться.

А тут ещё к Ромке вернулся дар речи!

– Вась! – дрогнувшим голосом позвал он. – Слушай, Вась!.. А ведь это мы на потолок вышли...

***

Всякое бывало в жизни Василия, но такого... Мало того, что опрокинутое в зените здание само по себе являло весьма жутковатую картину, – нужно было ещё хорошо знать Василия, его простые, ясные взгляды на жизнь и неистребимую любовь к порядку, чтобы оценить в полной мере всю глубину его потрясения. Василий был смят, испуган, растерян...

Ромка же, напротив, восхитился увиденным безобразием до такой степени, что вообще перестал чего-либо бояться.

– Не, по потолку я ещё ни разу не ходил! – нервно смеясь, говорил он. – Пацанам рассказать – заторчат!..

Они сидели, прислонясь спинами к испохабленной ругательством бледно-золотистой стене, и, подняв лица, с содроганием смотрели на прилипшую к потолку громаду пятиэтажки.

– Почему она не падает? – хрипло спросил Василий.

– Мы же не падаем! – пояснил Ромка, и Василия тут же омыло изнутри жутким чувством падения, даже за стену взялся на всякий случай. – Почему в Америке никто вниз не падает?

Василий переждал неприятное чувство и отнял ладонь от стены.

– Не в Америке, а в Австралии, – сердито поправил он. – В Америке-то чего падать? Америка-то, она – сбоку, а не снизу...

Ромка не слушая пялился на пятиэтажку.

– Не, тут интересно!.. – раскатав рот от уха до уха, повторял он. – Бал-дё-ож!..

На медном лице Василия набухли скулы. Поведение спутника раздражало его, пожалуй, не меньше, чем перевёрнутый вверх тормашками мир.

– Мы вот тут сидим, – веско молвил он, – а туда, может быть, сейчас тарелка прилетит...

– Ну и флаг ей в руки! – беззаботно отозвался Ромка.

– Дел, что ли, дома нету? – злобно спросил Василий.

– А какие дела?

Василий отнял взгляд от опрокинутого в вышине здания и с неприязнью посмотрел на стриженного Ромку.

– Ты ж дома не ночевал! Родители, поди, с ума сходят!..

– Ага! Сходят! – сказал Ромка. – Им сейчас – хоть ночуй, хоть нет...

Василий вспомнил о семейном положении задержанного и крикнул.

– Ну всё равно... Тебе вон, наверное, в армию идти!

Ромка заморгал и вдруг во все глаза уставился на Василия.

– Идти, – упавшим голосом подтвердил он. – В мае.

– В этом?

– В следующем...

Василий скривился и чуть не сплюнул.

– Защитнички...

Его мрачный взгляд упал на крадущегося по краю площади пушистого лупоглазого зверька и несколько смягчился.

– Эй, чита! – позвал Василий. – Иди сюда! Иди, не бойся! – Он чмокнул и призывно похлопал по коленке.

Существо уставилось на Василия, как рыба-телескоп, и, издав сердитую трель, поспешно скрылось за соломенно поблёскивающей опорой.

– А чо? Ништяк! – в озарении промолвил вдруг Ромка. – Спать можно на полу, пожрать – дадут...

– Бредишь, что ли? – недовольно спросил Василий.

Ромка смотрел на него, приоткрыв рот.

– Пока призыв – здесь перекантоваться! – выпалил он. – А через полгода армия профессиональной станет!..

Василий сначала оторопел, потом потемнел лицом и, упершись ладонью в пол, повернулся всем корпусом к Ромке.

– Ах ты паразит!.. – выговорил он. – Да я тебя под конвоем на призывной пункт приведу, понял?..

Ромка надулся и демонстративно принялся изучать пятиэтажку. Зардевшиеся уши торчали как-то по-особенному обиженно.

– И чего вы все так армии боитесь? – подивился Василий. – Она ж из вас людей делает! Вот посмотри на меня... Ведь таким же, как ты, был обормотом! А отслужил – человеком стал...

– Ментом ты стал, а не человеком! – не подумав о последствиях, буркнул Ромка.

Последовала страшная предынфарктная пауза.

– Как ты сказал? – сдавленно переспросил Василий, и Ромку, внезапно оказавшегося на ногах, отнесло шагов на десять в сторону. – А ну повтори!..

– А чего, нет, что ли? – нагло ответил Ромка, отступая ещё шага на три. Действительно, терять ему уже было нечего.

– Н-ну!.. – Василий сделал резкое движение, как бы собираясь вскочить, и Ромка что было сил дёрнул к дальнему выступу опоры. Метнулся за угол и с лёгким вскриком скрылся из глаз.

– Пар-разит! – прорычал Василий, вновь опускаясь на пол и приваливаясь лопатками к стене. – Ну вот вернись только!..

С тёмным от недобрых замыслов лицом, он сидел, изредка взглядывая, не высунется ли из-за бледно-золотистого скругления опоры лопухая стриженная голова. Голова что-то всё не показывалась, и Василий ощутил беспокойство. Неужели и вправду сбежал, придурок? А потом скажет: заблудился...

– Да нужен ты мне больно! – громко и сердито сказал Василий. – Ещё не гонялся я за тобой, за паразитом!..

Повторялась история с летающей тарелкой. Ромка наверняка затаился в какой-нибудь нише и молчал из вредности. Василий ругнулся, встал и зашлёпал босиком к бледно-золотистому выступу.

– Ну чего дурака валяешь?.. – Василий не договорил и отшатнулся. Сразу за поворотом на светлом искрящемся покрытии разлеглись, подстерегая, два овальных пятна неизвестно откуда падающей тени.

Глава 7

*Где стол был яств, там гроб стоит.
Гаврила Державин*

Василий попятился. Из дырявой пазухи у него выпала и с чмокающим звуком ударилась об пол последняя непочатая капсула – та, что передал ему Ромка. Подпрыгнула и, заковыляв по дуге, откатилась метра на два. Василий проводил её бессмысленным взглядом и снова устался на растёкшиеся у самых ног зловещие тени.

Обернулся, пытаясь восстановить события. Крепкое смуглое лицо его отдавало теперь малярийной желтизной. Вон она, надпись... Ромка бежал по прямой... Здесь он свернул, вскрикнул – и... Может, как-нибудь всё-таки проскочил между стеной и первым капканом?.. Да нет, как тут проскочишь: просвет сантиметров в двадцать, не шире... А ведь он-то – бежал. Бежал сломя голову!..

– Да что же это?.. – еле слышно, словно боясь собственного голоса, выдохнул Василий.

Вокруг величественно посверкивали бледно-золотистые громады, поигрывал стеклянными искорками гладкий дымчатый пол, а за спиной свешивалась со льдистого потолка сволючная пятиэтажка.

– Рома! – что было сил закричал Василий. – Рома, ты где?!

И тут только обратил внимание, что здесь совершенно нет эха. По идее звук должен был отразиться от верхней тверди, загулять, переключаясь, между колоннами. Ничего подобного. Звук глохнул, как упакованный в вату.

Василий рывком расстегнул кобуру, дослал патрон и вскинул пистолет над головой, явно собираясь палить до тех пор, пока хоть кто-нибудь не прибежит на выстрелы. Но «макаров» отозвался звонким металлическим щелчком. Осечка. Василий передёрнул затвор, выбрасывая бракованный патрон, и нажал на спуск повторно. Опять осечка. Ругаясь одними губами, выбросил другой. И – третья осечка подряд!

Василий уставился на пистолет, потом – на выброшенные патроны. Не веря глазам, нагнулся, подобрал. Патроны были тусклые, зеленоватые, словно пролежали в земле лет двадцать.

Краем глаза он уловил лёгкое движение неподалёку и обернулся. Там, вздыбив от ужаса серебристую шерстку, обмер ещё один лупоглазый зверёк, поражённый, видать, порывистыми движениями огромного существа и производимыми им металлическими щелчками.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Затем лупоглазый коротко прыгнул вперёд, ухватил оброненную капсулу и снова обмер, явно прикидывая расстояние до ближайшего овала. В каком-то странном остоленении Василий смотрел, как пушистый жулик шажок за шажком продвигается к смертельной тени. Вот до неё осталось всего полметра, зверёк приостановился и дерзко воззрился на человека. Задорное чириканье – и, метнувшись прямо в центр овала, лупоглазый исчез вместе с украденной капсулой.

Медленно-медленно, словно боясь спугнуть затеплившуюся надежду, Василий вытер лоб кулаком, в котором были судорожно зажаты чёрт знает с чего позеленевшие, нестреляющие патроны, и на негнущихся ногах подошёл к округлому пятну.

Сразу после удачного воровства жизнь самоубийством не кончают – это Василий знал точно. И уж во всяком случае, не с таким радостным видом...

Выставив кулак как можно дальше, он ослабил хватку и в ту же секунду почувствовал, что рука опустела. Патроны исчезли.

Тупо уставился на ладонь, будто пытаясь прочесть по ней свою дальнейшую судьбу. патронов не было.

Вновь покрывшись холодным потом, Василий шваркнул зачем-то оземь пустую кобуру с обрывком ремня и, обложив сдавленным матом теневой овал, шагнул в самую его середину.

***

Всё-таки, наверное, следовало при этом закрыть глаза – тогда бы он вообще ничего не почувствовал. Но, согласитесь, когда во мгновение ока одна местность сменяется другой, пусть даже и очень похожей, не утратить равновесия – дело сложное.

Василий взмахнул руками, изогнулся, будто и впрямь на льду, но всё же не удержался и с маху сел на пол.

Площади с пятиэтажкой на потолке (равно как и на полу) нигде видно не было. Он сидел на пятачке между тремя опорами, неподалёку от целой толпы молочно-белых глыб, в сторону которых улепётывал во все лопатки пушистый похититель последней капсулы, по-видимому, вообразивший, что за ним погоня.

С застывшей улыбкой идиота Василий скрёб ногтями щетину на левой щеке и, судя по всему, мало что пока понимал.

– Ну ясно... – бормотал он. – Жив, значит, паразит... Ясно...

Потом встрепенулся и с испуганным лицом принялся хлопать ладонями по полу в поисках утраченного боезапаса. Оба патрона лежали рядом – тусклые, зеленоватые. Василий загнал их в обойму, обойму – в рукоять, хотел отправить пистолет в кобуру, но кобура с обрывком ремня осталась где-то там, на краю площади, рядом с теневым капканом, который и не капкан вовсе, а оказывается, вон что...

Погоревав о кобуре (хорошая была кобура, почти новая), Василий сунул пистолет за пазуху и поднялся с пола. Но тут слуха его коснулся отдалённый гулкий звук, очень похожий на выстрел, причём из оружия куда более серьёзного, чем тот же «макаров». Василий насторожился и вдруг понял – это был треск лопающейся глыбы. «Выстрел» вскоре повторился, и лицо Василия просветлело: Ромка! Кому ж ещё?!

«Уши оборву!» – радостно подумал он и пошёл на звук.

За очередной золотистой громадой открылась группа из пяти некрупных молочно-белых глыб. От одной из них была уже отколота примерно четверть, а над тем, что осталось, трудился человек с ломиком.

Но это был не Ромка!

Интеллигентный вроде старичок, розовый, седенький, закутанный в белоснежную простыню, тщательно примериваясь перед каждым ударом, наносил глыбе повреждение за повреждением.

У Василия отяжелели брови. Всё говорило о том, что перед ним – автор вырубленной на опорах похабщины. Озадачивали, правда, возраст и внешность. Приятный такой старичок, только вот одет не по-людски. На тех, что исписывают стены, решительно не похож. Хотя, с другой стороны, на субъектов, ломающих всё из хулиганских побуждений, старичок тоже похож не был, – но вот ломает же! И как-то странно опять же ломает – такое впечатление, что безо всякого удовольствия...

Так и не уразумев толком, что происходит, Василий приблизился к престарелому нарушителю.

– Послушайте! – сердито сказал он. – Чем это вы занимаетесь?

Тот опустил ломик, обернулся – и в старчески-прозрачных глазах его мелькнул испуг.

– О господи!.. – вымолвил он, глядя на незнакомого человека, одетого в обрывки милицмейской формы.

(Рост – сто шестьдесят пять-сто семьдесят; телосложение – худощавое; волосы – прямые, седые; глаза – голубые, круглые; лоб – высокий, узкий; уши – малые, прижатые; нос – прямой... Усы, борода... Ломик держит в левой руке. Возможно, левша...)

Сноровисто разъяв морщинистое розовое личико на составные словесного портрета, Василий на минуту потерял его из виду в целом и был несколько озадачен, обнаружив, что старичок смотрит на него уже не с испугом, а скорее с мягкой укоризной.

– Ну вот... – произнёс старичок, сопроводив слова грустной обаятельной улыбкой. – Опять со мной никто разговаривать не будет... Давно прибыли?

И Василий усомнился: а точно ли он квалифицировал увиденное как хулиганство и вандализм? Больно уж раскованно и любезно повёл себя старичок. Чуть ли не с хозяйским радушием.

– Вчера, – поколебавшись, сказал Василий. – С товарищем... А кто это с вами не будет разговаривать?

– О, найдутся! – вскричал старичок. – Можете в этом даже не сомневаться!.. А вы, я смотрю, из милиции?

– Из милиции. – Василий насупился, приняв, насколько это позволяли обрывки формы, суровый официальный вид. – Так что вы тут делаете?

Старичок озадаченно поглядел на ломик, на полуразваленную глыбу.

– Ломаю, молодой человек, ломаю... – со вздохом сообщил он.

– Зачем?

Старичок улыбнулся в ответ ласково и ободряюще.

– Знаете что, – решительно сказал он. – Вы ведь сейчас потребуете объяснений, причём подробных... А подробно объяснять на пустой желудок – это, знаете ли... Словом, давайте начистоту: с булжником этим я, конечно, погорячился. Сложный оказался камушек, непростой... – И старичок с досадой звякнул ломиком по неровному стеклито-мутному сколу. – А вы, я смотрю, мужчина крепкий... Причём учтите: кроме меня вам здесь никто разъяснений не даст, а мне терять нечего – мне теперь из-за вас так и так бойкот объявят... Короче, чисто деловое предложение: вы сейчас берёте этот ломик и доламываете то, что я начал. Дальше вместе пообедаем, ну, и заодно попробуем развеять какие-то ваши недоумения... Соглашайтесь! Предложение, мне кажется, самое для вас выгодное.

– У меня товарищ потерялся!..

– Найдётся! Здесь, знаете ли, при всём желании не пропадёшь. Прошу...

– Да, но... – нерешительно начал Василий, принимая из рук бойкого старичка орудие разрушения.

– Не бойтесь, она хрупкая, – неправильно истолковав его колебания, подбодрил тот.

– Да знаю, что хрупкая...

Старичок изумился.

– Знаете?.. И откуда же, позвольте спросить?

– Да тут такое дело... – нехотя объяснил Василий. – У товарища железяка была... От летающей тарелки отломал...

– От летающей тарелки? – с каким-то даже негодованием переспросил старичок. – Это же невозможно!

– Ну вот возможно, оказывается... Взял он эту железяку, шарахнул с дура ума по такой вот каменюке – та вдребезги...

На розовом лице старичка обозначилось выражение крайнего недоверия.

– Стукните! – внезапно приказал он, указывая пальцем на глыбу. – Стукните-стукните! Я посмотрю, как это у вас получится с первого раза!.. Ничего себе шуточки! – возмущённо продолжал он. – Ударил разок – и вдребезги! Я второй год здесь живу – о таком даже и не слышал!..

– Сколько? – ошеломлённо перебил Василий. – Сколько вы здесь живёте?..

– Нет, вы стукните! Стукните! – закричал старичок.

Голова у Василия шла кругом. Он стиснул зубы и нанёс сильный колющий удар. Кривой несподручный ломик с хрустом воткнулся на десяток сантиметров, брызнули мелкие осколки.

– Вот! – ликующе объявил старичок. – И так вы будете её тыкать до самого вечера!

– Так я же ничего не говорю! – огрызнулся Василий, с трудом выдёргивая ломик. – Это товарищ её с первого раза разнёс, а я-то что?..

– Ну, значит, ваш товарищ – феномен, чудо ходячее!

– Да уж... – буркнул Василий. – Что верно – то верно...

Он размахнулся и нанёс ещё один удар с тем же результатом. Раскачал ломик, вынул и далее, убавив силу, принялся долбить упорно и мерно. Старичок тем временем, хмурясь, ходил вокруг глыбы, ощупывал её, осматривал, чуть ли не обнюхивал.

– Где же она, подлая, прячется?.. – бормотал он. – Должна же быть напряжёнка... О! Помоему, где-то здесь... Послушайте, э... – Он обернулся к Василию, и на лице его отразилось некоторое смятение.

– Ради бога, извините, – сказал он. – И сам не представился, и вашего имени не спросил. Как вас зовут?

– Василий, – сказал Василий.

– Очень приятно! А меня – Платон Сократович.

– Что?!

Старичок горько улыбнулся.

– Я понимаю, – сказал он. – Поэтому не обижусь, если вы будете называть меня просто дедком. Или дедом. Я уже к этому привык... Будьте любезны, Василий, стукните вот сюда! Есть у меня подозрение, что тут-то она и прячется...

Василий обогнул глыбу и ударил в указанное место что было сил. Безрезультатно. Он повторил удар – и глыба, крякнув, распалась на трое.

– Великолепно! – вскричал дедок. – Теперь каждый обломок пополам – и поздравляю вас с обедом! А вот, кстати, и он...

Василий обернулся. По центру улицы, как он давно уже мысленно называл пространство между опорами, прямоком к ним катилась «мусорка» – чёрно-фиолетовая, глянцевая, похожая на гигантскую мокрицу.

Глава 8

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Александр Блок

Следует сказать, что, изучая место Ромкиного исчезновения, Василий восстановил события совершенно правильно. Так оно всё и было: добежав до скругления опоры, Ромка метнулся за угол и как раз угодил в первое пятно. Именно в первое, а не во второе, куда потом вослед за пушистым жуликом шагнул очертя голову сам Василий.

Ромка успел только зажмуриться и издать короткий вопль. Ноги от ужаса подвихнулись, тело же продолжало стремиться вперёд, так что в итоге Ромка с маху грянулся об пол. Застучала, кувыряясь по покрытию, оброненная в полете кувалда – и всё стихло.

Секунды четыре Ромка лежал обмирая, потом вдруг сообразил, что жив, и, широко раскрыв глаза, вскинул голову. Увиденное его озадачило. Он находился в довольно обширном помещении, по которому беззвучно и неспешно перекатывались цветные волны неяркого приглушённого света.

Источник их располагался неподалёку. Там возносилась органно целая батарея вертикальных светящихся труб самого разного диаметра. Одни просто тлели, а другие пульсировали, бросая на пол и стены цветные блики, причём каждая в своём ритме.

Ромка сел, растерянно потирая ушибленные локти и колени. Посмотрел, высоко ли уходят эти самые трубы, и выяснил, что потолка в помещении нет вообще, но пространство вверху густо заплетено какой-то мерцающей паутиной, в которую и ныряют светонесные стволы, уходя, надо полагать, куда-то в бесконечность. Сквозь паутинчатый туман можно было, впрочем, различить, как они там, в высоте, изгибаются, раздваиваются, некоторые даже делают петлю и идут обратно.

– Балдёж... – благоговейно прошептал Ромка и нашарил кувалду.

Зачарованно глядя, он приблизился к источнику беззвучной светомузыки. Трубы были как из стекла. От одних веяло теплом, иные поросли светло-серой шёрсткой инея. Особенно впечатляла одна колонна – массивная, сотрясаемая изнутри биением синеватого мутного сумрака, но до неё было не достать. Ромка повернул инструмент стержнем вперёд и осторожно потыкал ту, что поближе, тлеющую вишнёвым. Оболочка её оказалась довольно упругой, причём на месте тычка возникало тёмное пятно, исчезающее секунд через пять.

Некоторое время он развлекался, покрывая трубу леопардовым узором, потом спохватился и встревоженно оглядел помещение. Оно было не квадратным и даже не круглым, а вообще фиг знает каким. Стены его, насколько об этом можно было судить при таком освещении, имели знакомый соломенный оттенок и были кое-где оплетены чёрными и серыми кабелями.

«Так это я что, внутри, что ли?» – блеснула догадка, и Ромка огляделся ещё раз. Да-да, и размеры помещения, и отсутствие потолка, и материал, из которого оно было выстроено, – всё говорило о том, что Ромку действительно занесло в одну из золотистых титанических опор.

Внезапно веснушчатая Ромкина физия озарилась совершенно разбойничьей улыбкой – он представил, как там, снаружи, дурак Василий бежит вокруг опоры, ищет, аует, суётся в каждую нишу.

«Так тебе и надо!» – злорадно подумал Ромка и, не в силах более сдерживаться, подошёл к стене, где нацарапал рукояткой кувалды: «Вася козёл», – после чего почувствовал себя вполне отомщённым.

– А вот фиг тебе! – сказал он, обращаясь к надписи. – На призывной пункт под конвоем... И, поигрывая кувалдочкой, двинулся в обход помещения.

Вскоре его внимание привлёк толстый чёрный кабель, разлётшийся на пути этакой анакондой, причём не касаясь пола. Ромка пригнулся, ожидая увидеть под ним какие-нибудь подпорки, но подпорок не было – кабель просто парил в воздухе.

Подивившись такому факту, Ромка перешагнул через кабель и, непонятно обо что споткнувшись, порхнул на ту сторону. Весьма заинтригованный, протянул руку к чёрной глянцевой шкуре, и пальцы встретили мягкое, но решительное сопротивление.

Выяснив ощупью, что кабель заключён в некую упругую невидимую оболочку, Ромка немедленно уселся на неё и попрыгал, как на стуле. Затем влез с ногами и, выпрямившись, попробовал пройти над извилистым смоляным бревном по воздуху. Задача оказалась непростой: упругое округлое ничто так и норовило вывернуться из-под босых подошв, и Ромка лишь чудом ни разу не расквасил носа.

Поднимаясь после очередного падения, он вдруг заметил нечто настолько необычное, что так и замер – прямо на четвереньках.

Часть стены была задёрнута занавеской! Обыкновенной земной раздერгаечкой размером с простыню.

Встал, отряхнул зачем-то ладони и, подобрав кувалду, подошёл поближе. Сложенный вдвое кусок материи был перекинут через слабо натянутый шнур, в котором Ромка быстро опознал обрывок тонкого кабеля. По белоснежной ткани порхали цветные блики.

С неприятным предчувствием Ромка чуть отвернул занавеску и обнаружил за ней округлую полость, этакое гнёздышко, озарённое зыбким и каким-то рассыпчатым сиянием тоненького световода, который, видать, раньше вился себе спокойно по стене, пока кто-то не открыл его и не заправил петлём в эту самую полость. На дне полости было устроено что-то вроде ложа, аккуратно застеленного всё той же белоснежной материей.

Опора была обитаема! Сделав это умопомрачительное открытие, Ромка почувствовал себя неважно. Следовало либо немедленно найти отсюда выход, либо уничтожить по-быстрому следы своего пребывания. Ромка наморщил лоб и с некоторым удивлением понял, что, кроме надписи «Вася козёл», он, собственно, ничего ещё не успел натворить.

С лёгким сердцем он перепрыгнул через кабель, учтя на этот раз невидимую оболочку, и, вернувшись к надписи, прикинул, что проще: заскоблить её или же задолбить? Второй вариант показался ему более интересным. Ромка взмахнул кувалдой – и стена продырявилась насквозь.

Поморгав сколько положено, он ударил из любопытства ещё раз. Потом ещё. Надписи уже не было. Вместо неё в стене зияла солидная дыра, заглянув в которую, он убедился, что ведёт она в большую округлую полость, подобную той, с занавеской. Ромка расширил пробоину и шагнул в получившуюся нишу.

Естественно, что на достигнутом он не остановился, поскольку привычки такой не имел. Двумя ударами он пробил заднюю стенку полости, открыв за ней ещё одну – такую же, только поменьше.

Ситуация становилась всё интереснее и интереснее. Получалось, что стены опоры внутри как бы пузырчатые и, прорубаясь из пузыря в пузырь, запросто можно выбраться на улицу!

Ромка замахал разрушительным инструментом, обваливая очередную перемычку. Третья полость оказалась ещё меньше, и это Ромку встревожило. Если так пойдёт и дальше, то в четвертой, ему уже придётся скорчиться, как шахтёру с кайлом...

Опасение его сбылось полностью, но поразило Ромку другое: сунувшись в крохотную четвертую полость, он вдруг обнаружил, что с другой стороны в ней зияет очень похожий пролом! Такое впечатление, что кто-то с улицы пробивался навстречу, но дойдя до середины, отчаялся и бросил это дело...

Мало что понимая, Ромка пролез на четвереньках на ту сторону и, пройдя анфиладу из трёх соединённых проломами пузырей, вообще перестал что-либо понимать. Короче, он снова

оказался внутри опоры! Так же змеился над полом толстый смоляной кабель, так же ритмично вспыхивала «светомузыка» и танцевали блики на всё той же занавеске...

Ромка озадаченно почесал затрепавшую под ногтями макушку, повернулся и снова полез в пролом. Первая полость, вторая, третья... Через четвёртую на четвереньках... Пятая, шестая, седьмая... Вылез. Постоял, ошалело озираясь. Кабель, «светомузыка», занавеска... Мерцающая паутина вместо потолка и ныряющие в неё стеклянные, наполненные светом трубы...

– Во козлы! – распылив рот восторженной улыбкой, выговорил Ромка и в третий раз скрылся в своей норе. Добрался до центрального пузыря и сел там поразмыслить – тем более, что сидеть в нём было весьма удобно – полусидишь-полулежишь. Как в скорлупе. Справа и слева просеивался порциями сквозь вереницу проломов мягкий изменчивый полусвет, а весь балдёж заключался в том, что это, выходит, был один и тот же полусвет...

– А-а... Почуяли, что горелым запахло? – раздался вдруг сразу с двух сторон исполненный правоты ликующий женский голос. Сердчишко бултыхнулось испуганно. От теток с головами, звенящими правотой (а тем более – ликующей), добра не жди – это Ромка понял ещё в раннем детстве, постиг многострадальными оттопыренными ушами. Однако он никак не предполагал, что торжествующая добродетель ухитрится настигнуть его даже здесь.

– Это что же? Взятка, чтоб молчала? – с презрением продолжал голос. – Кладовку выдолбили – надо же! Дёшево цените, голубчики! Мне кладовкой рот не заткнёшь!..

Льющийся справа и слева полусвет внезапно иссяк (видимо, хозяйка подступила к пролому вплотную), зашуршали, заскрипели обломки, надвинулось удовлетворённое бормотание: «Правда-то, видать, глаза колет...» – и Ромка с ужасом сообразил, что страшная в своей принципиальности тётка лезет к нему сразу с двух сторон.

Представив, как одна и та же рука тянется к нему и справа, и слева, он заметался, не зная, куда кинуться. Кинулся влево. Столкновение произошло во второй (она же седьмая, если считать с той стороны) полости, где бегущий на четвереньках Ромка вписался стриженной головой в крепкий налитой живот хозяйки. Изумлённый негодующий вскрик; цепкая злая рука попыталась ухватить за волосы и, соскользнув, поймала ухо. Ромка врезал по руке ребром ладони. Последовала короткая борьба, в результате которой тётка, наподдав коленом, вышибла незваного гостя наружу.

Они вылетели в медленно перекатывающиеся волны приглушённого света, и Ромка теперь мог убедиться воочию, что портрет хозяйки он на слух и на ощупь составил правильно. Невысокая, крепко сбитая, а рот такой, что и вправду кладовкой не заткнёшь. Одета в простынку с прорезью для головы и подпоясана обрывком световода. Единственное, что поразило Ромку: волосы у тётки были чуть длиннее его собственных. Прическа первого месяца службы.

Остолбенение длилось не более секунды. Неизвестно, кого ожидала увидеть перед собой стриженная под новобранца хозяйка опоры, но только глаза её просияли вдруг такой радостью, что сердце у Ромки бултыхнулось вторично. Не к добру, ох, не к добру занесло его в чужое жилище!

– Чего?! – обиженно заорал он на тётку.

Та отступила на шаг и в праведном изумлении оглядела наглеца с головы до ног и обратно.

– А ты не пугай, – неспешно, с удовольствием выговорила она. – Не из пугливых. Кирпичом по голове пугали – и то не забоялась!.. Нет, вы полюбуйтесь на него!.. – возвысила голос тётка, и Ромка обеспокоенно завертел головой, высматривая, к кому это она там обращается. – День как прибыл, а уже что творит! Стенку разворотил – вы подумайте!..

– Я отсюда выйти хотел! – возмущённо завопил Ромка. – Не разберётся – и сразу за ухо!..

– А разберусь... – пообещала тётка и бесстрашно подступила к Ромке вплотную. Тот невольно попятился. – Ты думаешь, здесь тебе – как дома? – зловеще, с присвистом спросила

она. – Церемониться с тобой будут? Нет, миленький, ты у меня эту стенку надолго запомнишь, она тебе ещё по ночам сниться будет, стенка эта!

И, не тратя более слов, тётка ухватила деморализованного разрушителя за локтевой сустав и поволокла куда-то в сторону световодов. Сломив беспорядочное сопротивление, выпихнула вперёд, и Ромка наконец понял, что его заталкивают в мутный световой овал, притаившийся на полу среди танцующих радужных бликов.

– И родители не отмажут!.. – Эта жуткая фраза была последним, что он услышал внутри опоры. Напутственный толчок в спину; в глазах вспыхнуло, крутнулось – и Ромка снова очутился на светлом льдистом покрытии у подножия огромной золотистой башни. Удерживая равновесие, взмахнул руками, одна из которых по-прежнему была отягощена зеркальной кувалдой. Он даже успел подумать, что хозяйка-то, похоже, и впрямь бесстрашная. Вот тюкнул бы он её с перепугу по бестолковке... Но тут, прерывая мысль, что-то мягко и властно отодвинуло его в сторону; на том месте, где он только что стоял, возникла всё та же тётка и, пока Ромка ошалело искал глазами прилипшую к потолку пятиэтажку, вновь ухватила его за локоть.

– Не убежишь, не надейся!..

Пятиэтажки нигде не было. Их выбросило в каком-то совершенно другом месте. Следует сказать, что несмотря на предупреждение, Ромка собирался именно вырвать локоть и пуститься наутёк, когда из-за скругления дальней опоры одна за другой хищно вывернулись чёрно-лиловые глянцево-«мусорки» и устремились к ним, как две торпеды.

Тётка немедленно отпустила Ромкин мосол.

– Да стенку мне развалил! – чуть ли не оправдываясь, объяснила она слепым продолговато-округлым тушам, круто осадившим в каком-нибудь метре от них.

На гладких кожих шевелились блики, обе твари как бы приножились, причём с видом весьма подозрительным. Чем-то они в этот миг напомнили Ромке сторожевых псов, и ещё (чёрт его знает почему!) – Василия. Потом откуда-то подкатила ещё одна, поменьше, и тоже озабоченно повела рылом.

– И начал первый – руку вот чуть не сломал... – орала тётка. Ромка ошалело поглядывал на окружившие их механизмы. Нет, не Василия... Точнее – не совсем Василия... Ментовский патрульный микроавтобус, только сильно уменьшенный – вот что они ему напомнили!

– Ну чего стал? Иди! – На этот раз тётка не решилась сопроводить приказ толчком. Плохо дело... Ромка двинулся в указанном направлении, и чернильные лоснящиеся «ментовки» покатились следом. Кажется, влип...

– Побег-побег... – приговаривала тётка. – Они тебе побегут! Они тебе так побегут, что света не взвидишь!..

Надо было немедленно на что-то решаться. Либо тут же, не сходя с места, слёзно во всём покаяться, либо вдруг опрокинуть тётку на одну из машин – и давай бог ноги... Только ведь догонят, собаки, вон они какие шустрые...

Конвоируемый угрюмыми «ментовками», Ромка обогнул скругление опоры, и глазам его предстали две непомерно огромные глыбы. Таких здоровых он здесь ещё не видел.

Тем временем местность, словно разбуженная выкриками потерпевшей, начала волшебным образом оживать.

– Лёха! – лениво заорали поблизости (Ромка вздрогнул). – Цирк пропустишь! Клавка за правду воюет!

Послышалось ответное восклицание, и вскоре из-за выдающегося ребром бледно-золотистого выступа вышли двое. Один – постарше и потрезвее – в кольчужно мерцающем короткоштанном полукомбинезоне с широкими оплечными лямками. При ближайшем рассмотрении оказалось, что комбинезон этот не то сплетён, не то связан из мягких, как веревочки, проводков. Лицо у обладателя кольчужно мерцающей спецовки было мудрое и морщинистое.

Второй – помоложе и крепко на взводе – щеголял в чём-то вроде длинного пончо из серого целлофана, подпоясанного по обширному животу куском толстого разлохмаченного на концах световода.

– А Клавка-то, – заметил он, тараща радостные мутные глаза на проходящих мимо, – обрастать начинает...

– Ничего, – успокоил тот, что в спецовке. – Сунется опять куда-нибудь не спросясь – по новой облезет.

Оба, посмеиваясь, пристроились в арьергарде, однако вплотную приблизиться не решились, что тоже не ускользнуло от внимания Ромки, вообще чуткого в минуты опасности.

– Эй, малый, что натворил? – окликнул тот, что постарше.

– Стенку мне сломал! – последовал торжествующий ответ, прежде чем Ромка успел раскрыть рот.

– Ну так и чего? – сказал второй. – Кладовка будет.

Стриженная Клавка обернулась и воинственно упёрла кулаки в бока. Процессия остановилась. Зрители – тоже.

– А я просила? – Голос Клавки стал несколько визглив. – Я когда-нибудь кого-нибудь о чём-нибудь просила? Унижалась я когда-нибудь перед кем-нибудь?

Каждое «нибудь» падало подобно удару молотка, с каждым разом всё более приобретая какой-то неумовимо матерный призыв.

«Ментовки» терпеливо ждали конца разговора. Потом одна из них двинулась к зрителям и сильно обоих встревожила, чтобы не сказать, всполошила. Тот, что в пончо, кинулся к ближайшей глыбе, прыгнул на неё животом и, отбрыкивая воздух толстыми босыми пятками, вполз на покатуку верхушку. Владелец спецовки, не торопясь, но и не мешкая, отступил с оглядкой к стене, поближе к теневому овалу. Затеплившаяся было у Ромки надежда, что эти симпатичные подвыпившие дядечки ему помогут, – рухнула. Они, явно, и сами побаивались глянцевого тварей.

– Да трезвый я, трезвый, начальник, – глумливо обратился с глыбы присевший на корточках толстяк, в то время как «мусорка» закладывала ленивый акулий вираж вокруг камушка. – Чего принимаешься?

– Ни стыда, ни совести! – сказала, как печать оттиснула, стриженная Клавка. – Тьфу!

И двинулась к дальней молочно-белой громадине.

– Ломай! – приказала она.

– А? – тупо отозвался Ромка.

– Ломай-ломай! Нанёс ущерб – так возмещай теперь! А ты как думал? Церемониться с тобой будут?

Ромка всё ещё не верил своим алым оттопыренным ушам.

– Как это – ломай?

– А как хочешь!

Происходящее сильно напоминало провокацию. Ромка оглянулся и вздрогнул. В нескольких шагах от него стояла неизвестно откуда взявшаяся девушка с надменным скучающим лицом. Сверкающий, как фольга, балахончик, хитрого плетения поясок... Одна из «ментовок» сунулась было незнакомке под ноги, но та отогнала её ленивым движением руки.

– Ну ты, Клавка, зверь, – покручивая головой, заметил мудрый и морщинистый, по-прежнему держась на безопасном расстоянии. – Как он тебе её ломает? Она уж тут неделю стоит, никто за неё не берётся! Ты совесть-то хоть имей...

– Совесть?.. – вскинулась Клавка, и тут словно ручку громкости увернули. Некая соблазнительная выпуклость на молочно-белой глыбе приковала внимание Ромки. То есть настолько соблазнительная, что так бы по ней и тюкнул. Зеркальная кувалдочка в руке сразу отяжелела,

и Ромка, не в силах отвести глаз от заветного бугорка, сглотнул. Где-то далеко-далеко, на пределе слышимости, продолжали ругаться насчёт совести.

– ...меня, что ли, мучит?

– А нет её у тебя – вот и не мучит!

– Так тебя ж, сама говоришь, тоже не мучит. Значит, и у тебя нету...

Толстяк слезал с глыбы. «Ментовки» откровенно скучали: две кружили неподалёку, что-то вынюхивая, третья и вовсе куда-то уехала.

– ...и к хозяевам не подлизываюсь! Не то что некоторые!

– Эх ты! Сказанула – к хозяевам! К ним, пожалуй, подлижешься!..

Наконец, не устояв перед соблазном, Ромка размахнулся и ударил. Несильно, но точно и хлестко, как на бильярде. Глыба загудела, задрожала. Все умолкли и обернулись удивлённо.

Гуденье, угасая, как бы обежало глыбу изнутри, потом, словно споткнулось обо что-то – и такое впечатление, что неподалёку ударила молния. Сухой, двукратный, взрывающий перепонки треск. Ромка еле успел отскочить. Хорошая треть глыбы, съехав, тяжело грянулась об пол и, устрашающе рывкнув, разлетелась вдребезги.

– Н-ни хрена с-се... – начал было потрясённо толстяк, берясь за ушибленное дальнобойным обломком колено.

Ромка не слушал. Из наклонного мутно-стеклистого скола, как желток из разломленного крутого яйца, выглядывала, круглясь, ещё более соблазнительная выпуклость. Ромка шагнул, занёс кувалдочку – и зрители шарахнулись. Это его отрезвило маленько – запросто ведь могло побить обломками!

Ударил и отскочил. И пошла цепная реакция. Глыба стонала, лопаясь, трещина порожидала трещину, грохот стоял такой, словно рвались ящики с динамитом.

Наконец канонада смолкла и малость оглохший Ромка попятился, глядя на дело рук своих. Поле боя и впрямь выглядело устрашающе. Как после артобстрела. Испуганно взглянул на зрителей. Мудрый морщинистый владелец комбинезона с уважением цокал языком. Лицо Клавки обрюзгло от горя. Злобно тарачился толстяк. Девушка смотрела изумлённо и восторженно. Откуда-то набежала целая стайка глазастых пушистых зверьков и тоже уставилась на груды обломков.

Все, похоже, ждали заключительного аккорда.

Осторожно ступая среди острых разнокалиберных осколков, Ромка приблизился к пирамидальной кривой кочерыжке, оставшейся от огромной глыбы, и расколотил её тремя ударами.

– Вот... – как бы оправдываясь, сказал он всем сразу.

Толстяк прокашлялся.

– Да может, она только с виду такая была... – сказал он, то с ненавистью глядя на Ромку, то с надеждой на девушку. – Посмотрим ещё, что кормушки решат...

Под кормушками он, надо полагать, имел в виду «мусорки».

А те уже всю подбедили обломки. Зрители, изнывая от нетерпения, ждали, когда они покончат с последним завалом. Покончили. Съехались рыло к рылу, и такое впечатление, что коротко посоветовались. И наконец на стеклистое покрытие посыпались разноцветные капсулы. Их было очень-очень много.

– Ну я не знаю! – плачуще проговорил толстяк в пончо. – Трудисься-трудисься, долбаешь-долбаешь...

Не договорил, махнул рукой и пошёл, расстроенный, прочь.

Тот, что постарше, ухмыльнулся, потрепал ободряюще Ромку по голому плечу и двинулся следом. Площадь звенела возбуждённым чириканьем. Лупоглазые подбирались к капсулам.

– Кши! – замахнулась на них стриженная Клавка. – Вот я вас!

Собрала в подол все капсулы до единой и, недовольно буркнув: «В расчёте!..» – заторопилась к ближайшему теневому овалу.

Сгинула. Разочарованно щебеча, стали разбредаться и пушистые зверьки.

Девушка с интересом смотрела на Ромку. Оба молчали.

– Меня зовут Лика, – сообщила она наконец. – Знаете, Рома, это было великолепно...

Глава 9

*И к мудрому старицу подъехал Олег.
Александр Пушкин*

– Так это что же? – вымолвил Василий, остолбенело глядя вслед удаляющемуся устройству. – Это выходит, если мы ломаем такую вот хренотень... Они нам что?.. Пожрать за это дают?

Безобразные россыпи обломков были убраны, и вылизанное «мусоркой» покрытие блистало, как витринное стекло.

– Должен сказать, что вы весьма сообразительны, Василий... – вполне серьёзно отозвался дедок Сократыч, собирая заработанные капсулы в белоснежный подол. – Я всегда подозревал, что дремучесть нашей милиции – это... м-м... злобная легенда... Так вот, вы совершенно правы, – продолжал он, направляясь к приземистой глыбе с таким свечным наплывом сбоку. – Именно за это и именно пожрать. Такая, знаете, работа...

Старичок вытряхнул капсулы в ложбинку, весьма удобно расположенную как раз посередине наплыва, сам присел рядышком и с любопытством поглядел на остолбеневшего собеседника.

– Чья? – хрипло спросил тот.

– Чья работа? – переспросил старичок. – Вы знаете, в том числе и ваша... Смее заверить, что иным путём съестного здесь не достать. Разве что выменять у кого... Да вы присаживайтесь, Василий, присаживайтесь... В ногах правды нет... Собственно говоря, её нигде нет, но... Прошу!

Василий сделал два нетвёрдых шага и опустился на краешек наплыва.

– Да, работа... – с удовольствием повторил дедок. – И, как вы уже, наверное, убедились, далеко не столь простая, как кажется поначалу... Требуемая, я бы сказал, чутья, интуиции, чёрт побери!.. Я вот, честно вам признаюсь, слаб, бездарен, камушка не чувствую – так, стучу куда ни попадя... Но есть у нас, знаете, такие асы!.. Хотя, конечно, то, что вы рассказывали о вашем товарище (чтобы целую глыбу – одним ударом!), это уже, простите, что-то из области фантастики... Вы, кстати, что предпочитаете? Острое? Пресное?.. Если острое, то попробуйте вот эту, сиреневую...

Говорливый старичок всучил Василию сиреневую капсулу и плотоядно оглядел оставшиеся. Приятное личико его при этом слегка осунулось, перестав отчасти соответствовать словесному портрету.

– Да они что тут, с ума посходили? – вырвалось у Василия.

– Простите, вы о ком? – рассеянно переспросил Сократыч.

– Да о хозяевах!

– М-м... Хозяева?.. – Чуть растопыренная пятерня, пошевеливая морщинистыми жёлто-розовыми пальчиками, коршуном кружила над горкой капсул. – Вот с хозяевами, Василий, сложно... – Коршун замер и без промаха пал на добычу – ею оказалась капсула нежно-лимонного цвета. – Что касается хозяев, то здесь мы, так сказать, ступаем на зыбкую почву предположений и гипотез... – Тут Сократыч надкусил пластик, прикрыл глаза, и далее кадычок его подобно поршню совершил несколько энергичных возвратно-поступательных движений. Оболочка опустела.

Василий тупо глядел на собеседника. Потом машинально надкусил силком навязанную капсулу и поперхнулся. По остроте это и впрямь могло соперничать с кавказской кухней.

– А что, товарищ ваш тоже из милиции? – живо поинтересовался старичок, открывая глаза и проворно протягивая руку за второй порцией.

– Да нет, – осторожно двигая опалённым специями языком, сказал Василий. – Наоборот.
– А-а... – Дедок Сократыч покивал. – Понимаю... То есть он убежал, вы за ним гнались – и... Понимаю... Опасный преступник? В розыске?

– Какой там, к чёрту, опасный! – сказал Василий, ища, куда положить надкушенную капсулу. – Так, хулиганьё... Послушайте! – спохватился он вдруг. – А сами-то вы как сюда попали?

– Наверное, так же, как и вы... – охотно пояснил дедок Сократыч. – Проснулся однажды ни свет ни заря – старческая, знаете ли, бессонница, – выглянул в окно, а посреди двора летающее блюдо стоит... Посмотрел я на него, посмотрел... Собрал кое-какие вещички, оделся... Так вот и попал.

– Добровольно, что ли? – не поверил Василий.

Дедок Сократыч поглядел на него и засмеялся.

– Тут такая тонкость, Василий... – сказал он. – Детишки мои разлюбезные меня как раз в психиатрическую клинику налаживали... Жилплощадь им моя понадобилась... Так что, согласитесь, терять мне было особенно нечего...

Ощутив некий холодок под ложечкой, Василий пристально всмотрелся в собеседника, расправляющегося вот уже с третьей капсулой. Платон Сократович... Психиатрическая клиника... Может, и впрямь не в себе старичок?

– Ну ладно, – сказал он наконец. – А как всё-таки на хозяев выйти?

Старичок хмыкнул.

– Домой потянуло? – понимающе молвил он.

– А вы как думали? – сердито ответил Василий. – У меня ведь там служба, семья...

– Дети? – с любопытством уточнил дедок.

– Да нет... Детей нету...

– А! Следовательно, нежная любящая супруга?

Василий насутился.

– Да уж любящая там! – буркнул он, всё ещё не зная, куда пристроить надкушенную капсулу. – Я вон в высшую следственную поступать хотел – так и подготовиться не дала! Как увидит меня с книжкой – аж затрясётся вся...

– Что так? – поинтересовался дедок, небрежно бросая на пол пустую оболочку.

– Говорит: выпендриваюсь... Ищи, говорит, себе образованную... И главное, как поскандалим – так выкидыш! А потом я же и виноват...

Дедок Сократыч сочувственно и скорбно кивал.

– Послушайте, Василий, – сказал он. – Только ради бога не обижайтесь!.. Но если всё действительно обстоит так, как вы рассказываете, то положение у вас там было похуже моего...

– Здесь, что ли, лучше?

– Господи, да конечно же! – Старичок даже руками всплеснул. – Какое может быть сравнение! Это вы просто с непривычки растерялись, а вот обживётесь, присмотритесь... Ну, вообразите, что вы попали в рай...

Василий ошалело посмотрел на старичка.

– Ни хрена себе рай! – содрогнувшись, возразил он. – А эта?.. Ну, эта!.. – Он поднёс растопыренную пятерню к глазам и подвигал ею, как бы стирая черты лица.

Сократыч недоумённо поморгал, но вскоре лицо его прояснилось.

– А! Так вы, стало быть, и с куклой Машей познакомиться успели? – вскричал он и покивал, опечалившись. – Представьте, безобиднейшее создание!.. Хотя опять же с непривычки... Сильно испугались?

– Кто она? – отрывисто спросил Василий.

– Долго рассказывать... – отмахнулся старичок. – Нет-нет, вы не подумайте, я не увлечён! Просто кукла Маша – это, знаете ли... Это такая история... Её ведь в отрыве от всего

остального не расскажешь! А рассказывать всё целиком – это мы и к завтраму не кончим... Но на вашем месте, Василий, я бы подумал. Крепко подумал бы.

– Я, между прочим, ещё присягу принимал, – мрачно напомнил Василий. – Так что зря соблазняете.

– Да не соблазняю я! – жалобно воскликнул дедок, молитвенно складывая желтовато-розовые ладошки. – Я, как бы это выразиться, утешить вас хочу!

Василий как раз решился определить капсулу на пол, но движения не завершил. Медленно прозревая страшную истину, повернулся к собеседнику.

– Что?.. Вообще никак? – Голос его сел до шёпота.

– Вы знаете... К сожалению! – подтвердил дедок и виновато пожал хрупкими старческими плечами. – Я, конечно, могу ошибаться, но, по-моему, отсюда не возвращаются.

– А пробовали хоть? – с надеждой спросил Василий.

– Хм... – Дедок Сократыч озадаченно вздёрнул седенькую бровь, отчего морщины на его лбу пошли волной. – А, собственно, зачем?

– То есть как?!

– О господи, Василий! Ну вы сами подумайте: если человек сам, добровольно, без принуждения лезет в летающее блюдо, то какая же у него была жизнь?! Взять, к примеру, меня. Или вас!

– Меня брать не надо, – хмуро предупредил Василий.

– Хорошо. Не буду... Возьмем меня. Мне куда возвращаться прикажете? В клинику? В дом престарелых?.. Благодарю покорно!..

Дедок фыркнул и умолк. Вид у него был несколько взъерошенный. Василий тоже молчал – темнея лицом и поигрывая желваками.

– Зачем же они так делают? – вырвалось вдруг у него.

– Кто?

– Да хозяева... Или вы с ними об этом не говорили?

Седенькие брови вспорхнули изумлённо, и дедок, слегка отодвинувшись, уставился на собеседника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.